

РОССИЯ ВО ВСЕМИРНОМ КОНТЕКСТЕ

А.Г. Вишневский

Россия не «выпала» из истории XX века. Это столетие стало для нашей страны временем давно назревшего скачка: страна модернизировалась, превратилась из аграрной и сельской в промышленную и городскую. Однако, модернизация советского времени была «консервативной» и «инструментальной»: к серпу она прибавила молот, но опираясь на устаревшие социальные механизмы и консервируя их, не способствовала развитию современных институтов рыночной экономики и политической демократии, и потому осталась незавершенной. В преодолении этой незавершенности состоит задача нынешнего этапа развития российского и других постсоветских обществ.

Такую трактовку советской истории как истории «консервативной революции» (или «консервативной модернизации») предлагает в своей книге «Серп и Рубль» (М., 1998) известный советский демограф и социолог А. Вишневский. Предлагаем Вашему вниманию заключительную главу книги, рассматривающую трансформацию - во взаимосвязи с изменениями во внутренней жизни - отношений Российской Империи и СССР, а сегодня России и других постсоветских обществ с их ближайшими соседями и с мировым сообществом в целом.

1. Вхождение в мировую политику

Внутренняя жизнь Российской империи или СССР была неотделима от их участия в международном общезитии, от их отношений с ближними и дальними соседями, со всем миром.

Во внешней политике русских царей, как и во всякой политике, было много субъективного, сиюминутного, случайного. Но в целом она не могла быть и не была произвольной, имела объективный смысл, в конечном счете была направлена на собирание, объединение, а затем и оборону имперского пространства. Геополитическая «миссия» империи имела свои географические и исторические основания и предопределяла основные линии российской геостратегии — ее цели, направления, выбор союзников и противников.

Интересы великорусской метрополии, которыми руководствовались первые русские цари, с течением времени все теснее сплетались с интересами имперского

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

целого, часто даже отступая перед ними на второй план.

Раз возникнув, Российская империя жила по законам всех империй — законам гоббсовского мира войны всех против всех. Ее территориальная экспансия останавливалась только тогда, когда встречала действительно непреодолимые естественные пределы (Ледовитый и Тихий океаны) или наталкивалась на границы других крупных, способных отстоять свою целостность геополитических структур. Ее геостратегия по самой своей природе была — и не могла не быть — конфронтационной, направленной на изменение status quo: ведь создавалось нечто новое и создавалось не в полной пустоте. Поэтому, выполнение имперской миссии России было невозможно без «железа и крови», без кровопролитных войн, сложных дипломатических интриг, без насилия над собственным, а тем более над покоряемыми народами. Все это было «бытом» империи, малоприятными фактами ее повседневной жизни, но не подрывало ее основ, имевших более высокое историческое оправдание.

По мере роста империи и расширения ее экономических и военно-политических возможностей, она постепенно превращалась в великую державу, все больше вовлекалась в мировые споры, участие в которых нередко склонна была рассматривать как продолжение своих внутренних дел, отстаивание своих жизненных интересов. Во внешней политике России, в ее успехах и неудачах была своя логика — логика борьбы за существование в глобальных геополитических джунглях.

Имперская роль России вполне определилась лишь с середины XVI столетия. Но ее геополитические предпосылки зрели давно, еще со времен первого русского государства — Киевской Руси. Оно возникло и укрепилось в IX веке в Поднепровье, на главной восточноевропейской торговой оси того времени — пути «из варяг в греки». Этот меридионально направленный путь давал выход к Черному, Азовскому и Каспийскому морям, к рынкам Византии и арабского Востока и предопределял географию экономических и политических интересов Киева. Направление Восток-Запад, связи с Западной Европой были для него тогда менее важными.

Относительная изоляция от запада Европы и все более тесные связи с ее юго-востоком, на котором господствовала Византия, вовлекли Киевскую Русь в зону греческого геополитического и культурного влияния, и привели, в конечном счете, к принятию православия (988 г.). Это, в свою очередь, было частью активной христианизации Восточной Европы в X-XI веках и в то же время геополитического размежевания между европейским востоком и западом по всему фронту от Балтики до Средиземноморья. И то, и другое было во многом связано с усиливавшейся германской экспансией. Более близкие славянские соседи немцев — поляки, чехи, хорваты — пытались противостоять их напору, приняв католичество, что, впрочем, не устраняло существовавшей исторической и социокультурной дистанции. Другие, как правило, географически более удаленные от германских границ, — болгары, сербы, а также румыны (не славяне), искали поддержки у Византии, опоры — в греческом православии и тем еще больше увеличивали эту дистанцию между собой и «Западом». Киевская Русь вошла в православие всего 22 года спустя после того, как Польша приняла католичество (966 г.) и 26 лет спустя после провозглашения Оттоном I Священной Римской империи германского народа (962 г.) — вряд ли речь идет о случайном совпадении событий.

Русская земледельческая, оседлая цивилизация и порожденная ею государственность складывались в борьбе со «степью», кочевниками-скотоводами, изнурявшими Древнюю Русь постоянными набегами. Татаро-монгольское нашествие было частью этой борьбы, не вполне завершившейся и после освобождения от татаро-монгольского ига. Тем не менее, эта страница русской да и мировой истории в основном была перевернута в XVI веке, когда появление огнестрельного оружия и особенно артиллерии — европейского изобретения XIV столетия, навсегда лишило военного преимущества полчища азиатских конных лучников и положило конец их вторжениям. По словам Р. Груссе, «орудийная пальба, которой Иван Грозный рассеял последних наследников Золотой Орды, а китайский император Канси устранил калмыков, ознаменовала окончание целой эпохи мировой истории... В несколько часов традиционное превосходство кочевников стало достоянием неправдоподобного прошлого» (1, с.278). Русская победа над «степью» была частью каких-то очень глубоких перемен, имевших планетарный масштаб, но еще не выводила Россию за пределы решения ее собственных, локальных задач.

Целую эпоху в русской истории составила борьба Москвы с Литвой и Польшей. Княжеские усобицы и татарское нашествие разорили наследие Киева, единство русских земель распалось. Когда пришло время, их новое объединение взяли на себя другие центры. На северо-востоке бывшей Киевской Руси таким центром стала Москва, на западе на эту роль выдвинулось Великое княжество Литовское, которое постепенно превратилось в литовско-русское государство, занимавшее территории нынешних Литвы и Белоруссии, большей части Украины, и некоторой части России — до нынешних Калуги, Тулы и Орла. Литовские князья первыми нанесли поражения татарам, в частности, одержали крупную победу на р. Сиводы в 1362 г., «за четверть века до Куликовской битвы, которая, таким образом, явилась лишь последствием и развитием того подрыва военной силы Орды, начало которой положила Литва» (2, с.339-340). Объединение западно-русских земель вокруг Литвы «в известном смысле было только повторением того, что происходило на той же западно-русской территории в IX и начале X в., ...было, в сущности, восстановлением разрушенного политического единства киевской эпохи, нахождением утраченного политического средоточия» (3, с.36).

К XV веку на Востоке Европы существовало два центра государственного объединения восточных славян, а в каком-то смысле и два претендента на объединение всего восточноевропейского, а в дальнейшем и евразийского пространства. Начавшееся в XIV веке сближение Литвы и Польши, которое через два столетия привело к Люблинской унии 1569 г. и образованию Речи Посполитой, на первый взгляд, резко усилило позиции единого польско-литовского государства в этом геополитическом соперничестве. На самом же деле, очень скоро дал себя знать культурно-цивилизационный разлом, который проходил через новое государственное образование, проявилась несовместимость католиков-поляков и православных наследников Киевской Руси, римской и византийской политических традиций.

Хотя в период образования и расширения Великого княжества Литовского в центре объединительного процесса стояли литовские князья, восточнославянские формы социальности и восточнославянская культура с самого начала занимали важное место в создаваемом ими государстве. Со временем же, особенно в XIV веке, «русская стихия окончательно возобладала в этом государственном союзе...

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

Русские порядки, русские учреждения, русский язык и вера не только не колебались в собственно русских областях, но распространялись и в самой Литве» (3; с.41).* (Понятие «русский» употребляется здесь в расширительном смысле, как синоним восточнославянского. В более узком смысле следует говорить прежде всего о белорусах и о белорусском языке, на котором «писан целый ряд грамот, договоров, литературных памятников и даже известный Литовский статут; он был государственным языком в средние века, до начала XVIII века, на всем обширном пространстве Литвы и Белоруссии» (4, с.338). Со временем, однако, рост польского политического и культурно-религиозного влияния, в частности, обращение язычников-литовцев в католичество, привел к падению «русского» влияния, а затем и к гонениям против православия и православных. Это имело своим естественным следствием усиление центробежных тенденций, что подрывало внутренние силы Речи Посполитой и ее надежды на восточноевропейское геополитическое лидерство, обрекало ее на геополитическое поражение. Попытки сблизить католиков и православных с помощью церковной унии имели ограниченный успех, внутреннее отторжение православных украинцев и белорусов в Польско-литовском государстве сделало их внешнее отторжение лишь вопросом времени. Этому сильно способствовало наличие московского объединяющего центра, который, в свою очередь, усиливался за счет слабеющих соперников.

Противостояние Литве и Польше было очень важно для Москвы, но это все еще была, скорее, «региональная» борьба — внутри восточноевропейского пространства за лидерство в нем, («домашний старый спор», «семейная вражда», писал Пушкин), — нежели выход на всемирную геополитическую арену. Географическая, частично этно-лингвистическая (поляки — славяне, литовцы — нет), но самое главное, историческая (более позднее, чем на западе и юге Европы, становление государственности, решение общих задач в период антитатарской реконкисты, противостояние германской экспансии) близость делали границу между Россией, с одной стороны, Литвой и Польшей, с другой, менее значительной, чем их общая граница с более зрелым германским миром. Все время существовала тенденция к стиранию первой из этих границ, к замене двух границ одной, которая и становилась, в конце концов, крайней западной границей имперского российского пространства.

По мере завершения антитатарской реконкисты, по мере того, как чаша весов и в соперничестве с «литвой» стала склоняться в пользу Москвы, она получала все новые и новые основания осознавать себя законным преемником павшего в 1453 г. Константинополя. Претенденты на эту роль среди православных государств были и раньше — Болгария X-XIV, Сербия XII-XIV веков.** Но надо было сокрушить Византию, а они не смогли этого сделать. Впрочем, если бы это

* «Белорусский язык... был придворным и административным языком Ягеллонов со времени образования литовско-белорусской диархии в 1447 г.; он продолжал играть эту роль до 1697 г., когда польские короли заявили, что это не более чем «польский диалект»... По отношению к польскому и русскому был тем же, что провансальский по отношению к итальянскому и французскому» (5. с.70).

** «Болгария — первое большое славянское государство, первая сознательная попытка создать Империю, повторить — в славянстве — византийский опыт. И именно этот болгарский пролог определяет в той или иной мере все будущее славянского Православия». «К середине XII века Сербия имеет уже все элементы государственности и для нее наступает время — воплощать все ту же византийскую теократию, вступить в число возможных наследниц Византии» (6, с.305, 314).

и удалось, они все равно пали бы под ударами турок, как пала вскоре сама Византия. Иное дело Россия в XVI столетии. К этому времени Константинополь утратил свою роль лидера православного мира и стал Стамбулом, стольным городом мусульманской Османской империи. В Европе сложилось новое соотношение сил и появились новые геополитические полюсы. В центральной Европе таким полюсом стала Вена, превратившаяся в центр сопротивления турецкой экспансии и столицу разноплеменной империи. И тогда же, в первой половине XVI века, в далекой Московии родилась идея «Третьего Рима», возвестившая о появлении в Европе еще одного геополитического центра — российского.

Миссия «Третьего Рима» не была выдумана, она была подсказана жизнью. На тысячи верст к востоку от Москвы лежали слабо заселенные, а то и вовсе незаселенные земли. Жившие на этих просторах народы нередко знали лишь относительно примитивные формы хозяйственной и политической жизни. В XVI веке таких районов немало было по всему Земному шару, но их время подходило к концу. Наступала новая эпоха всемирной истории. Она несла гораздо более тесные, нежели прежде, связи между разными частями света, проникновение европейцев в самые отдаленные уголки мира, колонизацию ими всех слабо освоенных или менее развитых районов планеты. Не могли миновать этой судьбы и просторы Северной Азии.

Московия была крайним восточным форпостом европейской, христианской цивилизации, само развитие которой было связано со смещением центров мировой истории на север. За этим стояло, по-видимому, общее ослабление зависимости человека от природных ограничений вследствие накопления опыта и знаний, развития агрокультуры, мореплавания, военной техники, промышленности, торговли. Опираясь на все эти достижения, западные европейцы открыли новую страницу в освоении земных просторов, подобно тому, как это сделали в свое время неолитические обитатели восточного Средиземноморья, Индии или Китая, первыми научившиеся возделывать землю и обрабатывать металлы и заложившие тем самым основы всех аграрных обществ.

Распространение высокоадаптивной христианской цивилизации среди недавних европейских «варваров» положило начало новому обживанию севера планеты. Русская экспансия на север и восток, пусть и с большим отставанием во времени, — лишь часть этого общего движения. Россия могла быть вовлечена в него одним из двух способов:

— либо быть колонизованной вместе с североазиатскими пространствами просто как их часть кем-нибудь из своих европейских соседей, например, германцами или поляками;

— либо самой выступить в качестве колонизирующей державы, организатора нового единого геополитического «большого пространства» восточной Европы — северной Азии.

Мог осуществиться любой из этих двух вариантов. Никакие исторические события не predeterminedены однозначно, можно говорить лишь о большей или меньшей их вероятности, в истории очень велика роль случайности. В силу вполне конкретных географических и исторических обстоятельств, вероятность второго пути в XVI веке оказалась большей. Он и осуществился. Москва к тому времени была во многих отношениях подготовлена к своей цивилизационной и геополитической миссии — если это не осознавалось ясно, то предощущалось. Отсюда, в частности, и идея Третьего Рима, которая, возникнув как религиозно-церковная,

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

уже к концу XVI столетия, видимо, не без влияния успешной завоевательской деятельности Ивана IV (Грозного), «окончательно переродилась из апокалиптической догадки в правительственную идеологию» (7, с.29). Понадобилось, однако, еще немало времени, прежде чем Московское царство превратилось в Петербургскую Российскую империю, которая и осуществила в полной мере объединение и освоение североазиатского пространства.

Но это потребовало от России немалого напряжения. Как бы ни складывались ее внутренние, домашние события, кухня мировой политики уже давно находилась в Европе, и нельзя было стать мировой державой, не заняв перворазрядного места в балансе европейских военно-политических сил. Россия и заняла его в начале XVIII века после побед Петра I над шведами. Еще недавно могущественная Швеция перешла в число второразрядных европейских стран, тогда как Россия вышла в первый ряд. Последующее прочное и долговременное вхождение России в качестве перворазрядной силы в европейскую, а тем самым и мировую политику было связано с ее борьбой против турецкой Османской империи. После успешного завершения в XIII веке антиарабской и в XV веке антитатарской реконкисты Турция оставалась единственной серьезно угрожавшей христианской Европе внешней силой.

Восточная и Центральная Европа испытывала нарастающее давление со стороны турок, начиная с XIV века. В результате их завоеваний к началу XVI века в состав Османской империи входили уже все континентальные области Греции, Болгария, Сербия, Босния и Герцеговина, Черногория, Албания. В вассальной зависимости оказались Молдавия и Валахия. В течение XVI-XVII веков под власть Турции перешли почти все острова и часть побережья Адриатического моря. Кроме того, в конце XV века Турция подчинила себе Крымское ханство. Могущественная Порта имела владения не только на европейском континенте. В XVI веке она распространила свою власть почти на все арабские страны — Сирию, Египет, Алжир, Тунис, Триполитанию, вытеснив оттуда европейцев. Турки вторглись в Иран, Армению, Курдистан, Западную Грузию, овладели прибрежной Аравией, вышли к Персидскому заливу. Они рвались в центр Европы, несколько раз осаждали Вену.

Хотя главным препятствием на пути турецкой экспансии стала Австрия, борьба с мусульманской Турцией была общеевропейским делом. Первые военные столкновения русских с турками произошли еще в XVII веке (взятие Азова казаками в 1637 г. и их «Азовское сидение» до 1643 г.), не слишком удачными были войны с Турцией Петра I, который сначала взял, а потом потерял Азов. Но именно в годы правления Петра или несколько ранее Турция потерпела ряд крупных военных поражений от европейских войск (в 1683 г. под Веной, в 1697 г. возле г. Сента на Тиссе, в 1716 г. у Петервардайна на Саве) и начала терять свои европейские владения, отходившие к Австрии, Польше или России. К тому времени, когда Россия развернула свои крупные наступательные операции против Турции, Высокая Порта уже прошла пик своего могущества. Но все же она была еще сильна, и Россия оказалась мощным союзником европейских антитурецких сил. С 1735 г. по 1878 г. Россия воевала с Турцией шесть раз (не считая Крымской войны), и хотя не все эти войны были одинаково успешными, в целом Россия очень сильно потеснила Турцию в Причерноморье и на Балканах.

Воюя с Турцией, Россия преследовала свои собственные цели, но неизбежно втягивалась при этом в сложную систему европейских союзов и противостояний, возникавших в связи с борьбой против Турции, дележом ее наследства, а также

общим изменением баланса сил в Европе. Чувствуя себя уже полноправной европейской державой, Россия активно участвовала в многочисленных коалициях времен наполеоновских войн, стала одним из главных победителей Наполеона. Политический и военный вес России неуклонно увеличивался, она привыкла ощущать себя великой державой, способной оказывать огромное влияние на мировую политику.

2. Геополитические козыри России

Уже победы Петра над шведами ясно показали, что, подобно Франции и Англии, Россия обладает достаточными силами, чтобы действовать «как великая держава, не зависящая от внешней поддержки» (8, с.107). В то же время авторы, признающие первостепенную роль России в европейской политике XVIII-XIX веков, обычно отмечают при этом и ее бедность, экономическую отсталость. Существовали, стало быть, обстоятельства, которые противостояли бедности и отсталости и позволяли России выступать — по крайней мере, во внешнеполитической области — наравне с более богатыми и развитыми европейскими странами.

Одним из таких обстоятельств было географическое положение России. Восточнославянская цивилизация, российская государственность сложились и развивались вдали от крупных океанских просторов, игравших столь важную роль в жизни прибрежных западноевропейских народов — англичан, испанцев, португальцев, итальянцев, французов, голландцев. Положение России в чем-то было сходно с положением Германии — она тоже была повернута к неуютным северным морям, а ее морской фронт был небольшим, по сравнению с протяженными сухопутными границами. Все это не благоприятствовало развитию мореходства, а позднее — превращению в морскую державу, способную к заморской и заокеанской колониальной экспансии. Но Германия была зажата в центре Европы, окружена сильными соседями с более удачливой геополитической судьбой. Россия же, еще менее морская, чем Германия, находилась на западном краю огромного слабозаселенного материка — «там у нас океан», говорил Достоевский. Освоение этого сухопутного «океана» в какой-то мере уравнивало геополитические шансы России даже с шансами британской владычицы морей, давало в руки России несомненные козыри, с помощью которых она и превратилась в великую державу.

Российские владения расширились во всех направлениях, но главным все-таки было восточное, на нем Россия почти не встречала сопротивления. После покорения сибирских татар в XVI веке встававшие на пути русского продвижения к Тихому океану противники «выглядели не политическими силами, а просто компонентами сопротивлявшихся освоению ландшафтов, «этно-экоценозов» (9, с.9). Со временем сами бескрайние пространства Империи стали ее важным геополитическим преимуществом. Огромности непрерывного и постоянно разрастающегося континентального массива, находившегося под контролем России, постепенно стали придавать необыкновенное, почти мистическое значение.

В каком-то смысле мистика российского геополитического пространства получила в начале XX века теоретическое обоснование под пером английского географа Х. Макиндера. Долгое время успешное распространение по всему миру власти морских держав, особенно островной Англии, внушало мысль о принципах

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

альных стратегических преимуществах прибрежного географического положения. Но территориальная экспансия России делала эту мысль не совсем бесспорной, постепенно стал вырабатываться новый взгляд на соотношение сил морских и континентальных держав. Х. Арндт приводит слова польского публициста 40-х годов XIX века: «идея Англии..., выраженной словами «Я хочу править морями», противостояла идея России: «Я хочу править землей». Пангерманисты и панслависты, пишет она, исходя из «континентальности» своих государств, считали себя вынужденными искать колонии на континенте, и были убеждены, что в конце концов «огромное превосходство земли над морем..., высшее значение власти над сушей по сравнению с властью над морем» ... станут очевидными для всех. Первенство в развитии этих идей принадлежало панславистам, которые «выразили эти геополитические идеи почти за 40 лет до того, как пангерманизм начал «мыслить в категориях континентов» (10, с.308).

С идеей континентального превосходства соглашались не все. Противоположной точки зрения придерживался, в частности, американский адмирал А. Мэхэн, в 1890 г. изложивший свои взгляды в известной книге на эту тему (11) и ряде других сочинений. По мнению М. Хаунера, именно Мэхэн был «одним из первых стратегически мыслящих людей, ясно осознавших фундаментальную геостратегическую дилемму России как единой евроазиатской державы: трудность ведения войны одновременно в двух крайних точках ее территории. Он сомневался... в ее способности совмещать экспансию на Дальнем Востоке и в направлении Персидского залива» (12, с. 136). Макиндер же опасался как раз новых возможностей континентальной мощи. Как и многие его соотечественники, он был удивлен и обеспокоен неожиданным усилением Германии, в конце XIX века уже готовившейся вступить в борьбу с Британией за европейское, а значит и мировое лидерство. Это менявшееся соотношение сил Макиндер и попытался осмыслить в геополитических терминах (хотя сам он не употреблял слово «геополитика»). Согласно Макиндеру, к началу XX века подошла к концу четырехвековая эра политического могущества государств прибрежной Европы, и сложилась новая обстановка, ставившая в более выгодное положение континентальные державы. Сама «континентальность» превратилась в едва ли не решающий источник силы в борьбе за мировое господство, а центр мировой истории переместился в континентальную Азию, где и возникла новая географическая ось истории, *хартленд* (Heartland), «Евро-Азия» расположенная в сердце *Мирового острова* — Евразии вместе с Африкой. Этот хартленд находился на территории России.

Казалось бы, какая связь между российским хартлендом и немецкой угрозой Британии? По Макиндеру, главная опасность Британии исходила из возможного объединения сил Германии и России, которое ему представлялось вначале как следствие возможного подчинения России более сильной Германии и перехода к последней контроля над хартлендом. И Германия и Россия были для Макиндера странами Восточной Европы, отсюда и его обобщение главной геополитической проблемы XX века: «Кто правит Восточной Европой, тот господствует над хартлендом; кто правит хартлендом, тот господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, тот господствует над всем миром» (13, с.150).

В схеме Макиндера отразился образ однополюсного, европоцентристского мира, сложившегося в XIX веке и казавшегося неизбежным еще в начале XX. Ни одна европейская страна не правила миром в одиночку, существовал некий клуб евро-

пейских стран — хозяев мира. Разные члены клуба обладали разным весом, Англия занимала в нем особое, привилегированное место и, конечно, не была заинтересована в изменении сложившихся соотношений — в отличие от Германии, которая опоздала к дележу колониального пирога. В этом заключался источник мирового конфликта, хорошо известный любому советскому студенту, изучавшему работу Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Англичанин Макиндер опасался передела мира в пользу Германии, но сохранение в будущем единственного центра мирового господства — если не западно- то восточноевропейского — не вызвало у него сомнения. То, что он придавал особое значение географическим, а не историческим основаниям такой опасности, не модернизации Германии или России и связанному с этим высвобождению социальной энергии масс, не неравномерности развития капитализма, как Ленин, и т.п., было уже второстепенным обстоятельством. Когда история обесценила первую посылку теории Макинтера, утратила смысл и вторая, геополитическая часть его схемы. Что толку в контроле над хартлендом, если разрушается сама идея мирового господства?

Однако на протяжении всей первой половины XX века в мировой политике сохранялась европоцентристская инерция предыдущих столетий, опыт которых придавал видимость истинности запоздалым обобщениям Макинтера и вытекавшему из них преувеличению значения континентальных российских территорий. Многие из русских политически мыслящих людей, задолго до Макинтера, рассуждали и действовали так, как если бы они следовали советам английского географа. Может быть, самый наглядный пример таких рассуждений и действий — среднеазиатская политика России во второй половине XIX века, ибо что, как не Средняя Азия, находилось в самом сердце Мирового острова. В присоединении Средней Азии тогда многие в России видели реванш за поражение в Крымской войне и одновременно пролог к новым завоеваниям. «Англичан бояться — никуда не ходить», — подбадривал завоевателей Достоевский (14, с.40), и в этом «никуда» улавливались далеко идущие планы. Средняя Азия казалась важной не столько сама по себе, сколько как промежуточный этап на пути к новым завоеваниям, проникновению в Индию, выходу к Индийскому океану и Персидскому заливу, не в последнюю очередь — и как мощный инструмент давления на Англию. Данилевский, например, был убежден, что «поход в Индию есть вещь совершенно возможная», а последствия такого похода, «предпринятого даже с малыми силами и даже неудачного, были бы самые губительные для английского могущества» (15, с.476-477). «Поход в Индию есть единственное оборонительное средство России в войне с Англией» (15, с.477).

Конечно, истинный вес британского могущества был куда серьезней, чем он выглядел у Достоевского или Данилевского, но все же выгоды геополитического положения России в ее соперничестве с Англией тоже были реальностью, они тревожили англичан. Индия на протяжении своей истории пережила не одно вторжение с севера. Хотя она и защищена труднопроходимыми горами, давно был известен путь, по которому военное проникновение в Индию через горы было возможно. Он получил название Индо-персидского коридора*, приближение к

* Русские и английские историки, пишет Хаунер, насчитали около 20 вторжений в Индию с севера, все они происходили через Индо-персидский коридор, стержневую территорию, расположенную в узловой точке Центральной Азии между Гураном, Ираном и Хиндом и известную с XVIII века как Афганистан. Русско-английское соперничество из-за Индо-иранского коридора получило название Большой Игры (Great Game) (12. с.74, 76).

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

нему России беспокоило британских политиков. В 1885 г. русско-английский вооруженный конфликт в районе Кушки едва не перерос в войну, но «правительство России, спохватившись, немедленно предприняло дипломатические шаги по мирному урегулированию конфликта» (2, с.754).

В последующие годы был заключен ряд соглашений о разграничении сфер влияния России и Англии в Центральной Азии, но угроза российского вторжения в Индию с севера не исчезла полностью. Кроме того, выход России в Среднюю Азию расширял ее возможности действовать и на ближневосточном направлении, что тоже не могло нравиться английским политикам. Они искали более радикального ответа на среднеазиатский вызов России и нашли его как раз тогда, когда Макиндер впервые изложил концепцию хартленда. Он сделал это в лекции «Географическая ось истории», прочитанной в Королевском Географическом обществе 25 января 1904 г., где он утверждал, в частности, что, благодаря появлению железных дорог, континентальная Россия способна успешно вести военные действия в далекой Манчжурии, подобно тому, как морская Англия могла делать это в Южной Африке (16, с.41). Через два дня, 27 января 1904 г. началась Русско-японская война, которая, казалось бы, полностью опровергла главную идею Макиндера и, напротив, подтвердила правоту адмирала Мэхэна. Согласно Мэхэну, противостоять напору России на Ближнем Востоке Англии было труднее, чем на тихоокеанском направлении, где интересы России сталкивались с интересами не только Британии, но и Японии, США, а возможно, и Германии. Отсюда вытекал простой рецепт: отвлечь силы России на Дальний Восток с тем, чтобы парализовать ее стремление проникнуть в Индию, к Персидскому заливу или к черноморским проливам. Именно в этом, утверждает Хаунер, заключался главный смысл англо-японского союза 1902 г. и последовавшей затем русско-японской войны (12, с. 137).

Эта война, таким образом, сама стала завершением определенного этапа обсуждения темы хартленда — обсуждения, развернувшегося до того, как появилось само это понятие и вся схема Макиндера, — и не в Королевском Географическом обществе, а в реальной мировой политике. Война показала ограниченность слишком обобщенного взгляда на соотношение мировых геополитических масс и заставила задуматься над слабыми сторонами географического положения России «от моря и до моря», над незащищенностью, уязвимостью ее восточной части. В. Семенов-Тянь-Шанский, сравнивавший колонизованные районы Сибири с суживающимся к востоку зазубренным мечом, замечал, что «при всяком столкновении с внешними врагами... очень легко обрубить конец такого меча. Правда, сопротивление, по мере дальнейшего обрубления, будет расти в геометрической прогрессии, но ведь и обрубки только одного конца вполне достаточно для того, чтобы уничтожить всю суть системы «от моря до моря» (17, с. 16).

К выводам, созвучным взглядам Мэхэна, а не Макиндера, пришел и генерал Куропаткин. Пытаясь осмыслить уроки Русско-японской войны, он признал слабость геополитического положения России, невозможность для нее воевать на два фронта. Поэтому, утверждал он, «очевидна... полная необходимость прийти, наконец, к соглашению с Австрией и Германиею по делам Ближнего Востока, чтобы иметь возможность распоряжаться всеми силами на Дальнем Востоке» (18, с.248). Надо также, «чтобы вредная химера возможного похода русских в Индию исчезла и заменилась сознанием общности интересов России и Англии в Азии» (18, с.251). Относительная слабость России, мировые и европейские реальности

побуждали к осторожности, заставляли избегать явной вражды с Англией, а то и искать союза с нею. Поэтому на идее российского вторжения в Индию и ее связи с завоеванием Средней Азии лучше было не настаивать открыто. В начале XX века, когда на горизонте уже маячила Первая мировая война, известный востоковед А. Снесарев, тогда подполковник Генерального штаба, повторяя доводы другого знатока, генерала Терентьева (19, с.271-272), объяснял, что завоевание Средней Азии было вынужденным для России, спровоцированным плохим поведением киргизов, кокандцев или бухарцев, а также интригами Англии, которую беспокоило приближение России к Индии. Об Индии же «никто не думал; ее никто не знал... В завоевании нами Средней Азии было достаточно своего политического смысла, чтобы навязывать еще какой-то иной» (20, с.13).

У нас будет случай убедиться, что подобные заявления не были вполне искренними — тот же Снесарев еще вернется к идее «индийского похода». Тем не менее можно сказать, что тот этап противостояния океанского «кита» и континентального «слона», который закончился Русско-японской войной, отнюдь не подтвердил правильности схемы Макиндера. Не свидетельствовали в ее пользу и итоги Первой мировой войны. Да и все дальнейшее развитие событий показало, что либо контроль над хартлендом не был таким важным геополитическим козырем, как казалось Макиндеру или его последователям, либо вообще значение такого рода козырей преувеличено и исход мировых споров решают другие факторы. Более того, наступил момент, когда многие прежние геополитические козыри России-СССР сильно обесценились, а из-под слоя давней геополитической мифологии стали проступать очевидные слабости, уязвимые и даже опасные черты географического положения огромной евроазиатской державы.

3. Российская империя в клубе европейского империализма

Это было, конечно, знамение новой эпохи. В XIX, как и в предыдущие столетия, выгоды географического положения России стоили многого, российские политики неплохо пользовались ими, неуклонно расширяя территорию державы. Тем не менее и тогда дело было не только в географии. Россия не одна граничила с Сибирью или Центральной Азией. Свои притязания на североазиатские или центральноазиатские просторы, на контроль над хартлендом могли иметь и другие сопредельные государства — многолюдный Китай, Сефевидская и постсефевидская Персия, Османская империя. Если в XVIII-XIX веках они не предъявляли таких притязаний, то, главным образом, по внутренним причинам. Их архаичные средневековые общества утратили свой динамизм, время крупных предприятий для них прошло.

Россия же, все больше поворачиваясь к Европе, все больше дружа и враждуя с нею, поневоле впитывала опыт новой европейской цивилизации. Благодаря петровским и последующим реформам, она хотя и не догнала Европу, но во многом уже отошла от средневековой архаики, в немалой степени европеизировалась, модернизировалась, потому и была не чета ни Китаю, ни Турции, ни Персии. Можно сказать, что превращение России в великую державу было следствием ее геополитического положения, помноженного на (неполную) европеизацию. В завоевании русскими Сибири, Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока было много общего с завоеванием Нового Света и захватом колоний запад-

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

ными европейцами. По существу, это были части одного и того же процесса мировой экспансии более развитой европейской цивилизации, захвата и колонизации слабо заселенных и плохо защищенных территорий за пределами Европы. Россия стала великой державой XVIII-XX веков именно как европейская страна, как член европейского клуба хозяев мира, как один из главных участников его раздела. В этом качестве Россия была связана с Европой глубинными общими интересами. И Европа признавала эту общность интересов, видела в России серьезного партнера, с которым считалась и на которого иной раз делала ставку.

Но даже и в минуты своих самых больших триумфов российский империализм был младшим партнером империализма западноевропейского. Россия оставалась все же страной полуевропейской, экономически и социально отсталой, не могла тягаться с Англией или Францией на мировой арене.

Экономические возможности России — а они становились все более важным условием военно-политической мощи — всегда были ограниченными. До промышленной революции в Англии, а затем и в других странах Западной Европы Россия еще занимала довольно заметное место в мировом индустриальном производстве. В каком-то смысле она сохраняла неплохое положение на мировом фоне и в XIX веке. За полтора столетия с 1750 г. по 1900 г. доля Китая в мировой промышленной продукции уменьшилась более, чем в пять раз, доля же России даже выросла — в этом сказались плоды модернизации. Но в сравнении с такими странами, как Британия, Германия, тем более, США, промышленная мощь России выглядела все более незначительной (табл. 1).

Таблица 1
Доля некоторых стран в мировом промышленном производстве, 1750-1900 гг., в %

	1750	1800	1860	1900
Россия	5,0	5,6	7,0	8,8
Британия	1,9	4,3	19,9	18,5
Франция	4,0	4,2	7,9	6,8
Габсбургская империя	2,9	3,2	4,2	4,7
Германские государства/ Германия	2,9	3,5	4,9	13,2
США	0,1	0,8	7,2	23,6
Япония	3,8	3,5	2,6	2,4
Китай	32,8	33,3	19,7	6,2

Источник: Kennedy P. The rise and the fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. L., 1988. P. 149.

При любом сравнении России с европейскими державами, с которыми ей приходилось соревноваться, проступали черты бедности. Совокупный валовой национальный продукт России был не маленьким. В пятидесятые годы XIX века, во времена Крымской войны, он был примерно таким же, как в Англии, и это создавало иллюзию равенства возможностей. Но валовой продукт на душу населения был несравненно меньшим (табл. 2), а это решало все. Расходы России на ведение Крымской войны составили за 1852-1856 гг. 144,5 млн. фунтов стерлингов, тогда как ее главные противники — Англия и Франция — затратили на эту войну свыше 309 млн. фунтов (8, с. 176). Они и оказались победителями.

Таблица 2

Валовой национальный продукт крупных европейских стран на душу населения, 1830-1890 гг., в долларах США (доллары и цены 1960 г.)

	1830	1850	1870	1890
Россия	170	175	250	182
Британия	346	458	628	785
Франция	264	333	437	515
Германия	245	308	426	537
Габсбургская империя	250	283	305	361
Италия	265	277	312	311

Источник: Kennedy P. The rise and the fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. L., 1988. P.171.

Россия гордилась своим флотом, с помощью которого она одерживала морские победы над турками. Но могла ли она тягаться с европейскими флотами? К концу наполеоновских войн Россия имела 40 боевых кораблей, Франция — 80, а Англия — 214 (8, с.99). Крымская война, помимо всего прочего, выявила военнотехническое отставание России. Надо было перевооружаться, переоснащать армию, строить флот. Средств на все это не было, относительная военная слабость России с неизбежностью нарастала. Еще в 1880 г. по тоннажу своего военноморского флота Россия более чем в три раза уступала Англии, но все же обладала третьим по водоизмещению флотом в мире. Через 30 лет, к 1910 г., тоннаж российского военноморского флота увеличился вдвое, но разрыв с Англией не уменьшился, а Россия с третьего места опустилась на шестое, пропустив впеод Германию, США и Японию (8, с.203).

Все эти неблагоприятные для России обстоятельства не могли не влиять на характер ее отношений с европейскими партнерами. Ее огромный территориальный рост облегчался тем, что крупные европейские геополитические интересы в XVII-XIX веках были сосредоточены на западе и юге, продвижение России на восток не особенно беспокоило европейцев, в каком-то смысле было даже выгодно им. Россия прикрывала Европу с востока и в то же время сама меньше вмешивалась в европейские дела. Но ее попытки раздвинуть свои границы на западе и юге, затрагивавшие интересы европейских держав, как правило, блокировалось ими, и тут Россия ничего не могла поделать. Так что преимущественно восточный вектор русского колониализма был, в известном смысле, вынужденным.

Отношения с Европой были, таким образом, довольно двусмысленными, и это с давних пор обусловило противоречивость российского взгляда на Европу, сложную смесь любви и ненависти.

С одной стороны, любовь. По крайней мере, со времен Петра I Россия ощущала себя ученицей Европы, многое в ней ценила, многое заимствовала. Привязанность к Европе и европейским ценностям подчеркивали самые бесспорные патриоты России. «Нам от Европы никак нельзя отказаться, Европа нам второе отечество, — писал Достоевский. — ...Европа нам почти так же всем дорога, как Россия» (21, с.23).

От Европы Россия и впрямь никак не могла отказаться. Мир XIX века был однополюсным, европоцентристским. Россия понимала свою бесспорную уже к тому времени принадлежность к европейской цивилизации и исходящую от этого

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

силу, партнерством с Европой, с «Западом» приходилось дорожить. Этого не скрывали и идеологи российского империализма, имевшего виды на раздел власти и влияния «между теми народами или группами народов, которые в настоящем периоде всемирной истории могут считаться активными ее деятелями: Европою, славянством и Америкою» (15, с.451). Данилевский, откровенный ненавистник Европы, отнюдь не отказывался от членства в клубе европейских «активных», «исторических» народов, которым он противопоставлял народы «неисторические», «предназначенные к тому, чтобы сливаться постепенно и нечувствительно с тою историческою народностью, среди которой они рассеяны, ассимилироваться ею и служить к увеличению разнообразия ее исторических проявлений» (15, с.24).

Но всегда была и другая сторона отношений между Россией и Европой, питавшая их взаимную враждебность. Все-таки речь шла о партнерах *по дележу*, у каждого из которых были немалые аппетиты. Европа не была едина. Разные европейские силы постоянно стремились привлечь Россию на свою сторону. Она же, преследуя — и не без успеха — свои цели, охотно участвовала в европейских играх, часто меняя пристрастия. Уступчивость европейских держав имела свои пределы, они побаивались «русского медведя» и всегда болезненно реагировали на его активность на западных или южных границах, нередко сплачивались для противодействия российскому продвижению на этих направлениях. К российской же экспансии в казавшихся столь далекими северной и центральной Азии они были намного более терпимы, тем паче, что и не могли ей воспрепятствовать. Таким образом, европейские колониальные державы, «талассократии», чьи экспансионистские усилия были направлены тогда на заморские американские, азиатские и африканские земли, молчаливо признавали партнерство России в разделе мира, уступали ей далеко не маленькую «нишу» в глобальном пространстве.

Однако логика империализма всегда одинакова: он ненасытен. С трудом осваивая свои огромные владения, имперская Россия не была удовлетворена ими. Истинная цена нефтяных и прочих кладовых Сибири или Казахстана стала ясна намного позднее, по меркам XIX века российские североазиатские земли не шли ни в какое сравнение с роскошными американскими, азиатскими или африканскими приобретениями европейских держав. Россия рвалась к Средиземному морю и Индийскому океану, искала способов повысить свой европейский статус, потеснив, сколько возможно, своих постоянно меняющихся союзников и противников. Между тем Индия оставалась недоступной, Турция продолжала властвовать в «Константинополе», сохраняла контроль над Дарданеллами и Босфором — выходом в Средиземное море, России не удавалось утвердиться даже на Балканах.

Привыкшей к постоянному расширению границ России трудно было признать, что ее имперские притязания не соответствуют ее экономическим и военным возможностям, а ее военно-политический потенциал намного ниже, чем у других крупных европейских держав. У российских империалистических идеологов и политиков складывался своеобразный комплекс неполноценности, который находил выражение в повышенной враждебности к Европе, в основном, правда, на словах.

«Какую же роль предоставляет нам Европа на всемирно-историческом театре? — вопрошал с бессильной ёрнической иронией Данилевский. — Быть носите-

лем и распространителем европейской цивилизации на Востоке... Но позвольте,... какой же это Восток? Мы было и думали начать с Турции... Куда? Не в свое дело не соваться! кричит Европа... Принялись мы также за Кавказ — тоже ведь Восток. Очень маменька гневаться изволили: не трогайте, кричала, рыцарей, паладинов свободы... ну да на этот раз, слава Богу, не послушали, забыли свое европейское призвание... Ну так в Персии нельзя ли позаняться разбрасыванием семян цивилизации и европеизма? Немцы, пожалуй, и позволили бы... — из уважения к англичанам нельзя... В Китай что ли прикажете? Ни-ни, вовсе незачем туда забираться... Да где же, Господи, наш-то Восток, который нам на роду написано цивилизовать? Средняя Азия, вот ваше место; всяк сверчок знай свой шесток... Там и есть ваша историческая миссия — вот что говорит Европа, а за нею и наши европейцы» (15, с.62-63).

К концу XIX века закончился длившийся несколько веков раздел планеты между колониальными державами, и мир оказался на пороге какого-то нового этапа глобальной геостратегии, тогда не вполне еще ясного. Лишь во второй половине XX века он определился как этап деколонизации и появления самостоятельных геополитических полюсов за пределами Европы и Северной Америки. Но долгое время европейское геополитическое сознание оставалось в плену давней инерции, будущее виделось как прямое продолжение прошлого. Из факта завершения раздела мира между «историческими народами» те из них, кто считал себя обделенными, делали вывод о неизбежности его передела. Не было исключением и российское имперское сознание.

Более столетия назад Данилевский с прямотой человека, не ведающего сомнений, начертал основные линии российской имперской великодержавной «европейско-мировой» геостратегии. Их можно свести к нескольким рекомендациям.

1. Россия — не европейская страна, ее интересы не имеют ничего общего с европейскими. «Нам необходимо... отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами» (15, с.475).

2. Россия заинтересована во внутриевропейской нестабильности. «Равновесие политических сил Европы вредно, даже губительно для России, а нарушение его с чьей бы то ни было стороны — выгодно и благодетельно» (15, с.472). «Нам необходимо ...приобрести совершенную свободу действия, полную возможность соединяться с каждым европейским государством, под единственным условием, чтобы такой союз был нам выгоден, ни мало не взирая на то, какой политический принцип представляет в данное время то или другое государство» (15, с.475).

3. Россия заинтересована в расширении своих владений и своего влияния за счет враждебной ей Европы. С этой целью Данилевский разработал проект Славянской конфедерации в составе Российской империи, славянских стран Восточной Европы, а также Венгрии, Румынии, Греции и Константинополя с прилегающим районом «под политическим водительством и гегемонией России, на что Россия имеет законнейшие права» (15, с.410).

4. Россия должна использовать рост своего веса в Европе для расширения своих неевропейских владений. «Всеславянский союз имел бы своим результатом... равный и справедливый раздел власти и влияния между... Европою, славянством и Америкою... Власти или влиянию Европы подлежали бы преимущественно Африка, Австралия и южные полуострова Азиатского материка; Американским штатам — Америка; славянству — западная, средняя и восточная Азия, т.е. весь этот

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

материк за исключением Аравии и обоих индийских полуостровов» (15, с.451).

Данилевский был «кабинетным» идеологом, защищавшим некую общую обскурантистскую систему взглядов.* Он больше заботился о том, чтобы его позиция по каждому вопросу соответствовала этой системе, нежели чтобы она отвечала действительным требованиям жизни. Он не желал видеть, что никакой «свободы действий» Россия в своих отношениях с Европой никогда не имела и не могла иметь, а за заключение нужных ей политических и военных союзов платила по самым высоким ставкам. И платила, в отличие, например, от Англии, не деньгами, а единственными имевшимися у нее в изобилии экстенсивными стратегическими ресурсами — территориальными и людским. На их использовании держалась ее военная сила, ими компенсировалась бедность, экономическая и технологическая отсталость.

Можно как угодно относиться к стратегии «заманивания» Наполеона (а потом и Гитлера) в глубь страны, но очевидно, что никакая другая европейская держава не могла позволить себе такой стратегии просто из-за ограниченности территории. Даже самая большая из них, Германия или Франция, отдай она половину того, что отдавала в ходе боевых действий Россия, оказалась бы полностью захваченной.** Россия же выживала и, в конце концов, побеждала. Превращение огромной части страны в арену боевых действий, ее временная оккупация, связанные с этим потери мирного населения, разрушения, разорение хозяйства были несомненным «вкладом» России в изматывание противника. Но все это не проходило бесследно, страна долго потом приходила в себя, залечивая страшные раны, которых не знали ее союзники. Наполеон был разгромлен не одной Россией, да она и не была главным его противником. Главным врагом была Англия, она же, как и Россия, оказалась в числе победителей Наполеона. Если Россия гордится Бородиным, то на счету Англии Трафальгар и Ватерлоо. Однако Англия не знала ни разорительного нашествия вражеских армий, ни пожара собственной столицы, на ее землю вообще не ступил ни один французский солдат.

*По своей основной профессии Н. Данилевский был биологом, и его главный вклад в эту науку заключался в написании сочинения против дарвинизма. Философско-исторические воззрения Данилевского строились вокруг концепции «культурно-исторических типов», которая вписывается в общую линию консервативной реакции на универсалистские идеи европейского Просвещения и занимает место где-то между Гердером и Шпенглером. «Большой клятвы не могло бы быть наложено на человечество, как осуществление на земле единой общечеловеческой цивилизации» (15, с.453) — такова главная посылка и главный вывод историко-философских размышлений Данилевского. Что же касается его политических взглядов, относящихся к теме данной главы, то это был откровенный империалист, отождествлявший силу и право, надменно-оскорбительный по отношению к более слабым. Вот, например, одно из его многочисленных высказываний о событиях русской истории. «При Алексее Михайловиче Россия не имела еще счастья принадлежать к политической системе европейских государств, и потому у нее были развязаны руки, и она была единственным судьей в своих делах. В то время произошел первый раздел Польши. Россия, никого не спрашиваясь, взяла из своего, что могла..., ибо тогда не бродили еще гуманитарные идеи в русских головах» (15, с.29).

** Во время Второй мировой войны было оккупировано около 2 тыс. кв. км. советской территории

— в 3,5 раза больше нынешней территории самой пространной европейской страны — Франции, больше, чем совокупная территория Германии и всех захваченных ею и ее союзниками европейских стран: Австрии, Бельгии, Греции, Дании (без Гренландии), Нидерландов, Норвегии (без Шпицбергена), Польши, Франции, Чехословакии, Югославии. На оккупированной части СССР осталось (за вычетом эвакуированных) 78 млн. чел. — больше, чем население любой европейской страны (22, с. 4).

Главной же «валютой», которой Россия платила по своим европейским векселям, была жизнь русских солдат. В XIX веке ее армия, как правило, намного превосходила по своей численности армию какой угодно европейской державы (табл. 3), а русское правительство всегда было готово к расходованию «живой силы» в любом европейском конфликте. «Огромные жертвы, принесенные русским населением на внешние предприятия в XIX столетии, — писал накануне Первой мировой войны Куропаткин, — были тем более тягостны, что приносились не только в видах укрепления русского государства, но главным образом для устройства и укрепления других государств и народов. С этой, чуждой русской национальной политике, целью русские люди в XVIII и XIX столетиях обильно проливали кровь в Турции, Австрии, Пруссии, Италии, Швейцарии, Голландии, Франции... В XVIII и XIX столетиях в течение веденных Россией войн было выставлено до 10 млн. воинов, из коих многие сотни тысяч или вовсе не возвратились домой или вернулись инвалидами» (18, с.27).

Таблица 3

**Численность военнослужащих в крупных европейских государствах,
1816-1880 гг., тыс. чел.**

	1816	1830	1860	1880
Россия	800	826	862	909
Франция	132	259	608	544
Британия	255	140	347	248
Габсбургская империя	220	273	306	273
Пруссия/Германия	130	130	201	430

Источник: Kennedy P. The rise and the fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. L., 1988. P. 154.

Говоря о жертвах военных предприятий России в XIX веке, Куропаткин несомненно был прав. Россия никогда не жалела «живую силу», ее людские потери всегда были очень большими. Огромными они были в войнах с Наполеоном, причем отнюдь не только в Отечественной войне 1812 г., как часто думают, — на нее пришлось меньше половины прямых военных потерь. Людские жертвы Англии — основного противника Наполеона — были намного меньшими.* Не жалела Россия своих солдат и позднее. По расчетам Б. Урланиса, за сто лет, предшествовавших Первой мировой войне (1815-1914 гг.), Россия потеряла убитыми и умершими в войнах больше, чем любая другая воевавшая крупная европейская страна (23, с.369).

И все же в устах Куропаткина плач по понесенным жертвам звучит не слишком убедительно. Трудно поверить, что российская дипломатия, ввязываясь постоянно в европейские союзы и коалиции, на стороне которых она воевала, вовсе не следовала при этом целям и интересам имперской России. И, пожалуй, никто не знал этого лучше Куропаткина. Имперская политика до революции всегда строилась на сочетании военной силы и дипломатии,

* Согласно Б. Урланису, Англия, воюя с Францией с 1793 г. по 1815 г., потеряла 312 тыс. чел. Потери России в войнах с Наполеоном составили 450 тыс. чел., из них только 120 тыс. чел. в ходе кампании 1812 г. (23, с.345-348).

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

предполагавшей союз с одной или несколькими европейскими странами. Большинство войн послепетровской России велось либо в прямом союзе с какими-либо европейскими государствами (некоторые войны с Турцией, с Наполеоном, Первая мировая война), либо при уверенности в нейтралитете крупных европейских держав. Когда же это правило не соблюдалось, Россия терпела поражения (Крымская, Русско-японская войны).

В этом, собственно, и заключался главный урок, который извлек сам Куропаткин из поражения в Русско-японской войне. Имея на своем счету не одну победу над беззащитными жителями Туркестана, но потерпев поражение при встрече с серьезным противником под Ляояном и Мукденом, он, казалось бы, должен был стать ненавистником Англии, все время возникавшей у него на пути. Она блокировала дальнейшее продвижение России в Туркестане в 80-е годы XIX века, она же стояла за спиной Японии во время проигранной Русско-японской войны. Однако уроки противостояния России европейским державам были слишком наглядными, и генерал сделал из них надлежащие выводы. «Поддержка Японии Англией составляет результат тяжелого недоразумения» (18, с.254), — утверждал он, противопоставляя разобщенности и враждебности России и европейских государств идею их союза, который должен принять на себя «охрану спокойствия европейских государств в Азии» (18, с.252). Трезво оценивая соотношение мировых сил, Куропаткин осуждал идею создания славянского союза как невыгодного европейским державам, ибо он «самым существенным образом мог нарушить, разрушением Турции и захватом Константинополя, экономические интересы этих держав» (18, с.248).

Бывшего военного министра гораздо больше тревожило то, что «вооруженные плоды европейской культуры, в том числе и по военной части, народы других материков, кроме европейского, начинают давать отпор европейскому товару и европейскому штыку» (18, с.253) и «открыто готовят силы с целью загнать старушку Европу в ее географический чулок, обречь ее на скромное существование на незначительной территории» (18, с.254). Поэтому ему «представлялось желательным, чтобы в XX веке народы европейского союза пришли к соглашению с союзом американских государств для удержания в европейских и американских руках господствующего положения на тихоокеанском побережье и для сохранения за европейскими державами пользования богатствами Америки, сырыми и обработанными» (18, с.255).

Не успев как следует оплакать русскую кровь, пролитую во имя «чуждой русской национальной политике цели» в XVIII и XIX веках на полях Европы, Куропаткин, таким образом, откровенно выражал готовность к новым кровопролитиям во имя европейской империалистической солидарности в наступавшем XX веке — на этот раз в любой точке земного шара.

4. СССР на пути ко Второй мировой войне

Превращение Российской империи в СССР поначалу не внесло принципиальных изменений в геостратегическую логику сменившего российский советского империализма. СССР унаследовал великодержавное положение царской России, ее непомерные территориальные претензии и ее двусмысленные отношения

с Западом. Существенно изменился только словарь. В новых условиях понадобилась и новая мифология: «Запад» превратился в мир капитализма, а панславянская солидарность уступила место интернационально-пролетарской. Но суть дела осталась прежней, что быстро подметили евразийцы, пронизательные во всем, что касалось обнаружения в действиях большевиков своих излюбленных государственно-имперских идей. «Они [большевики] ведут борьбу с «капитализмом». Но «капитализм», поскольку он мыслится конкретно, и есть синоним современной Европы. Борьба с ним есть борьба с «европеизмом» в Европе и в Евразии... Большевики выступают против «капитализма», т.е. против европейского капитализма, а потому и против европейского социализма» (24, с.402-403).

На деле «борьба с капитализмом» между двумя мировыми войнами приобрела обычный для российской имперской традиции характер внутриевропейских интриг с частой сменой союзников и противников. Еще не закончилась Гражданская война, империя еще не восстановила свою собственную территориальную целостность, а ее стратеги уже задумывались о возвращении — под новыми лозунгами — к прежним направлениям имперской экспансии, тянулись к теплым морям, к возобновлению «Большой игры» вокруг Индо-персидского коридора — даже с большей откровенностью, чем прежде.

В 1919 г. воодушевляемый идеей мировой революции военный руководитель Советской России Троцкий намеревается формировать кавалерийские корпуса для отправки в Индию и Китай, и тогда уже известный нам востоковед Снесарев, до революции ставший генералом, а теперь и начальником Академии Генерального штаба Красной Армии вспоминает, что еще «Крымская война... выявила смысл наших будущих походов в Индию, т.е. вскрыла существо среднеазиатской проблемы». Ибо уже тогда стало ясно, «что дорога к восстановлению нашего международного равновесия с Англией пролегла по Средней Азии, а не направлялась, как раньше, к Средиземному морю» (25, с.224). Завоевание и последующее изучение Средней Азии «объяснили нам — русским, а затем и всему миру все значение тех областей, которые здесь заключаются, и выяснили вместе с тем центр их общей ценности». «Многогранная и необъятная ценность Индии вызывает... со стороны России... естественное тяготение к странам, окружающим Индию, не для того, чтобы овладеть ими, *проку в них мало* [подчеркнуто нами. — А.В.], а чтобы иметь возможность влиять на Индию, или, буде возможно, захватить ее» (25, с.16).

Тон Снесарева образца 1919 г. на редкость агрессивен. «В наших ли интересах, т.е. в интересах ли республики атаковать Индию, или больше интереса и смысла англичанам атаковать наш Туркестан? Я утверждаю, что вторая возможность совершенно исключается... Отсюда я делаю вывод, что не имеет и смысла изучать Средний Восток под углом зрения, что англичане могут двинуться на Туркестан, т.е. под углом обороны нами Туркестана от англичан. Остается рассмотрение этих стран под углом возможности осуществления огромной операции, направленной на Индию» (25, с. 18).

Знали ли Троцкий или Снесарев о теории Макиндера? Скорее всего, нет. Как утверждает Хаунер, нет никаких следов того, что эта теория привлекла чье-либо внимание в России как до, так и после революции. По-видимому, не были знакомы с ней и эмигранты-«евразийцы», включая и их главного

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

«географического» идеолога П. Савицкого (12, с.148-149, 157). А между тем в советской внешней политике между двумя мировыми войнами постоянно возникает чисто «макиндеровская» линия континентального противостояния «западным демократиям».

Индийские мечтания Снесарева, довольно бездарные*, стоят в этом ряду, но не они определяют большую политику эпохи. Гораздо важнее была постоянно просыпавшаяся тяга к советско-германскому сближению. Макиндер, и в 1919 г. опасавшийся объединения двух континентальных держав под германским господством, видел противоядие такому сближению в создании пояса независимых государств, отделявшего Германию от России. Такой пояс и в самом деле был создан, но это не помешало двум державам уже в 20-е годы начать нащупывать пути военного сближения.**

Согласно официальному, весьма противоречивому советскому мифу сталинских времен, страны-победительницы в Первой мировой войне навязали Гер-

*Снесарев, продолжая линию российских имперских стратегов XIX века, не желал замечать более позднего опыта начала XX столетия. Тогда Англии нашла эффективный ответ на русский вызов в Средней Азии, английские империалисты переиграли русских. Надежды, возглавлявшиеся в России на Среднюю Азию, не оправдались и в последующем. По большей части, она служила глубоким тылом, а не плацдармом для проведения крупных наступательных операций. Возможно, военные штабисты и не забывали о стратегическом значении среднеазиатских границ или «Индо-персидского коридора», а книга Снесарева штудировалась разработчиками идеи советского вторжения в Афганистан, с помощью которого удалось превратить относительно спокойный тыл в незаживающую кровоточащую рану. Но главные внутренние и внешнеполитические задачи, которые на протяжении ста лет приходилось решать России (СССР), требовали сосредоточения сил и средств в других местах. К тому же после Второй мировой войны изменилась общая обстановка в мире, Средняя Азия перестала быть фронтом русско-британского соперничества, да и само это соперничество в его прежнем виде потеряло смысл. Под сомнением оказалась и роль Средней Азии как глубинной, недостижимой для противника сердцевины евроазиатского континента в борьбе мирового хартленда с мировым римлендом. Во времена «холодной войны» в Средней Азии размещалась очень незначительная часть советских военных сил, сосредоточенных в основном на европейском и дальневосточном потенциальных театрах военных действий. Даже вторжение в Афганистан свидетельствует, скорее, о третьестепенности южного театра в глазах советских военных стратегов, рассчитывавших на маленькую, победоносную локальную войну. Средняя Азия никогда не играла той внешнеполитической роли, которую отводили ей русские участники «большой игры» XIX века, энтузиасты выхода России к теплым морям или похода в Индию.

** Для большевиков известным оправданием такого сближения, по крайней мере моральным, могла бы служить романтическая надежда увидеть в Германии союзника по будущей мировой революции. Но были ли они такими уж романтиками? Москва откровенно играла на уязвленном национальном чувстве, столь характерном для Веймарской Германии, и, постоянно декларируя свою приверженность пролетарскому интернационализму, готова была сделать ставку на немецкий национализм и его противоестественный, казалось бы, симбиоз с большевизмом. Не над этим ли трудился московский эмиссар, «соратник Ленина» Карл Радек, пестовавший первых немецких национал-большевиков? Для них же «мировая революция» была не более, чем путем к достижению результата, которого так опасался Макиндер: объединения сил Германии и России под руководством Германии против «Запада». «Германия передала свою оригинальность России, — писал лидер немецких национал-большевиков Э. Никиш. — Стремясь к общности судьбы с последней, она сохраняет надежду вновь ее обрести... Если кому-то суждено, во имя собственного блага, пронести со всей своей мощью факел всемирной революции, то это будет немецкий народ... Речь идет о рождении нового культурного универсума, который вначале займет место рядом с культурой Запада. Но когда эта западная культура будет превзойдена, читай выродится, он придет ей на смену. Славянские и германские боги еще достаточно сильны, чтобы созидать» (26, с.189-190).

мании «империалистический» Версальский договор 1919 г. и в то же время оказали «огромную помощь германским империалистам в их политике восстановления военно-промышленного потенциала, подрыва Версальского мирного договора», стремясь направить агрессию Германии против СССР (27, с. 189-190). Советская же дипломатия, заключив в 1922 г. Рапалльский договор с Германией, одержала крупную победу, ибо «прорвала враждебный фронт капиталистических государств и установила нормальные мирные отношения с одной из крупнейших стран Европы» и при этом помогла Германии, «ослабленной войной, послевоенным кризисом и международной изоляцией» (28, с.26). Сами эти формулы плохо вяжутся одна с другой, но еще меньше они вяжутся с действительностью, потому что сам Советский Союз в 20-е годы вовсе развивал военное сотрудничество с Германией и активно способствовал возрождению ее военно-промышленного потенциала — в обход Версальского договора. «В середине 1923 г. «Юнкерс» получает возможность строить самолеты в Филях под Москвой. В 1924 г. в Липецке открывается тренировочный центр для немецких летчиков. Русские и немецкие химики совместно испытывают отравляющие вещества. Крупн строит артиллерийские заводы в советской Средней Азии» (29, с.223). «Основная идея сотрудничества опиралась для нас на полезность привлечения иностранного капитала к делу повышения обороноспособности страны; для них — она вытекала из необходимости иметь совершенно укрытую базу для нелегальных вооружений. В строгой конспирации были заинтересованы в одинаковой степени и мы, и они», — докладывал И. Уншлихт Сталину в конце 1926 г. (30, с.71-72).

Приход Гитлера к власти, казалось бы, напрочь исключил возможность сотрудничества двух режимов, клявшихся в верности совершенно различным ценностям. Но разве еще Данилевский не рекомендовал искать любых выгодных союзов, «не взирая на то, какой политический принцип представляет в данное время то или другое государство»? Только Данилевский, видимо, полагал, что он один додумался до такого хитрого внешнеполитического рецепта, а глупые европейцы всегда будут упускать свою выгоду, тогда как Россия всегда будет ее получать. Европейцы же были себе на уме.

Если идеи Макиндера до поры до времени не вызывали заметного интереса в России-СССР, то этого нельзя сказать о Германии. Макиндер как бы указывал на объективное основание ее будущего величия, поэтому его теория казалась очень заманчивой в послеверсальской Германии и грела душу немецких геополитиков в период между двумя мировыми войнами. В частности, она широко использовалась теоретиками «Оси», стремившимися нанизать на эту «ось» и советский хартленд и едва не преуспевшие в этом. «Основываясь на трудах англичанина Макиндера, — утверждал немецкий геополитик генерал Хаусхофер в 1940 г., вскоре после заключения советско-германского пакта, — мы пропагандировали во всем мире идею союза между нынешними державами оси Германия-Россия-Япония, который дает единственную возможность успешно противостоять... Англии и Америке... Представление о Евразии... дает нам всем возможности долговременного расширения жизненного пространства и уже довольно давно соблазняет многие умы» (31, с. 127). «Наши союзники, — писал Хаусхофер ранее... — враги наших врагов; мы найдем их не в последнюю очередь на Дальнем Востоке, в подъеме паназиатского движения, а также в Японии...; полезно и продуманное

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

сотрудничество с имеющим свои нужды в земельном пространстве русским народом, каким бы ни был политический режим, советский, или иной» (31, с.209).

Р. Арон, размышляя о природе геополитических идей, говорил, что для них пространство — не *театр*, на котором разворачиваются те или иные события, а самостоятельная цель, *ставка* в игре (32, с.204). Есть два типа геополитической логики: логика *жизненного пространства* и логика *естественных границ* (32, с.203). То, что немецкие геополитики исповедовали логику жизненного пространства для Германии, хорошо известно. Но что имел в виду Хаусхофер, когда говорил о «нужде в земельном пространстве русского народа»? От недостатка пространства Россия как будто никогда не страдала. Уж не намекал ли он на нарушенные после Первой мировой войны «естественные границы» Российской империи? Эти «нарушения» сыграли немалую роль в создании пояса независимых государств, разделивших тогда Германию и СССР.

Независимость государств Восточной Европы не давала покоя советским стратегам конца 30-х годов, они искали путей установить над ними контроль. Чего было больше в этом стремлении — заботы о безопасности западных границ СССР, о чем говорила официальная советская версия, или великодержавного желания любой ценой восстановить, а, буде возможно, и раздвинуть границы царской империи? Каким бы ни был ответ на этот вопрос, сейчас можно утверждать, что была достигнута только вторая цель, и то, как показала история, лишь временно.

Летом 1939 г. советское руководство одновременно вело переговоры о создании системы коллективной безопасности в Европе с Англией и Францией и готовило почву для подписания пакта о ненападении с Германией. Переговоры с Англией и Францией зашли в тупик, из-за того, что они не соглашались дать гарантии против «косвенной агрессии» Латвии, Эстонии и Финляндии (то есть против появления в них «антисоветских правительств») и добиться согласия Польши и Румынии на пропуск через их территорию советских войск. И в самих этих странах, и у английских и французских политиков существовали далеко не безосновательные опасения, что такого рода обязательства могут поставить под сомнение саму независимость этих государств. Как заявил польский маршал Рыдз-Смиглы, «с немцами мы рискуем потерять нашу свободу, а с русскими утратить нашу душу» (33, с.284). 21 августа 1939 г. переговоры с Англией и Францией были прерваны. Ворошилов, руководитель советской делегации на переговорах, объяснял это тем, что отказ Англии, Франции и Польши пропустить советские войска через польскую территорию делает невозможным военное сотрудничество СССР с этими странами, так как СССР «не имеет общей границы с агрессором» и потому не сможет оказать им военную помощь (34, с.444).

Через день после прекращения переговоров с Англией и Францией — 23 августа — в Москву прибыл Риббентроп и были подписаны заранее подготовленные и одобренные Сталиным и Гитлером Пакт о ненападении и секретный протокол к нему. СССР и Германия не стали пререкаться по поводу судьбы восточно-европейских государств, тем более спрашивать их мнения. Они протянули друг другу руки через их головы и спокойно стерли часть из них с карты Европы. Не стало Польши, Литвы, Латвии, Эстонии (Чехословакия перестала существовать еще раньше). Зато СССР получил, наконец, вождеденную «общую границу с агрессором» — «протяженностью свыше 3000 км, где в каждом пункте Советский

Союз был открыт для вторжения» (29, с.377).^{*} Советско-германское соглашение 1939 г. позволило хитрому Сталину в значительной степени восстановить прежние границы Российской империи (только Финляндия заупрямилась). Но одновременно оно «обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке» (с гордостью докладывал Молотов Верховному Совету СССР за десять месяцев до начала войны) (29, с.380), то есть дало возможность перехитренному Гитлеру немедленно начать Вторую мировую войну, расширить, наконец, жизненное пространство Германии и «со спокойной уверенностью» подготовиться к *вероломному*^{**} нападению на СССР.

Внешнеполитическая переориентация советского руководства в конце тридцатых годов, явно ошибочная, невыгодная для СССР, подставившая его под удар, едва не оказавшийся смертельным, не поддается объяснению без учета внутрисполитических событий. В частности, открытый союз с фашизмом едва ли был бы возможен без кадрового переворота 1937 г. Устраненный тогда Сталиным правящий слой хотя и был уже к этому времени достаточно соглашательским, все же слишком долго воспитывался — и воспитывал других — в духе антифашистских идей, чтобы с сегодня на завтра перейти в другую веру. Однако сам этот переворот был лишь одним из завершающих эпизодов давно начавшегося перехода власти в руки массовых маргинальных слоев и связанной с этим мутации советского режима. Сменились не просто люди, сменилась вся система политических ценностей и — в соответствии с «консервативно-революционной» логикой — возродились старые взгляды на соотношения личности и государства, старое прочтение русской истории, старое понимание имперских интересов, старая великодержавная идеология и т. д.

И во внутрисполитическом, и во внешнеполитическом плане советский тоталитаризм все больше ощущал свое родство с фашистским тоталитаризмом германского или итальянского типа — и внутреннюю антипатию к «западным демократиям». Политическая практика Гитлера или Муссолини была Сталину намного ближе, понятнее, чем американская или английская. Его симпатии к ним, стремление к сотрудничеству становились искренними. Поэтому ему не надо было лицемерить больше обычного, когда он на банкете после подписания Пакта поднял бокал за здоровье Гитлера («я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье») или когда, прощаясь с Риббентропом, «гарантировал своим честным словом, что Советский Союз не подведет своего товарища» (29, с.365). Взаимное родство чувствовали и

^{*} Эта граница к началу войны была очень слабо укреплена, хотя старая граница была разоружена. За два месяца до начала войны начальник Главного политического управления Красной Армии сообщал наркому обороны, что «укрепленные районы, строящиеся на наших западных границах, в большинстве своем небоеспособны» (29, с.401). Разоружение границы было лишь частью общего разоружения СССР в предвоенные годы, оно включало в себя также массовые репрессии против офицерского корпуса и ошибочные шаги при реорганизации армии, столь же массовые репрессии против научно-технических кадров, замедление промышленного роста, снятие с производства некоторых ценных видов вооружения, пренебрежение данными разведки, а главное, конечно, моральное разоружение, связанное с необъяснимым доверием к не заслуживавшему никакого доверия потенциальному противнику. Признаки некоторого выправления положения стали заметны только в первой половине 1941 г., но было уже поздно.

^{**} Советская пропаганда всегда особенно подчеркивала это вероломство. Можно подумать, что до 22 июня 1941 г. у Гитлера была безупречная репутация человека, на которого во всем можно положиться.

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

на другой стороне. Гитлер говорил Муссолини, что «Россия совершает поворот чрезвычайной важности; похоже, что путь, на который встал Сталин, ведет к чему-то вроде славяно-московского национализма и удаляется от иудео-интернационалистского большевизма». Муссолини же, начиная с октября 1939 г., «считал нужным разъяснять итальянцам, что большевизм в России умер и уступил место славянскому типу фашизма»(35, р.90).

5. Уроки Второй мировой войны

Вторая мировая война составляет одну из самых трагических и противоречивых страниц в общей и военной истории России и СССР.

Согласно официальной советской версии, СССР одержал в этой войне невиданную победу чуть ли не в единоборстве с превосходящим его по силе противником. Об этом говорил, в частности, в написанной вскоре после войны книге один из руководителей советской военной экономики Н. Вознесенский. «Если капиталистическая Германия оказалась разгромленной, то это свидетельствует о новой величайшей силе, которая в *единоборстве* [выделено нами — АВ.] с Германией оказалась победителем. Этой силой является Союз Советских Социалистических Республик» (36, с. 169). Однако тот же самый Вознесенский, в той же самой книге утверждал и другое. Он отмечал, что Вторая мировая война выявила «противоречия... между блоком буржуазно-демократических государств с одной стороны, и блоком фашистских государств, с другой» и что «эти противоречия оказались своеобразным резервом социалистического государства»; который и был использован «в интересах разгрома гитлеровской Германии, а затем и в интересах поражения японского империализма» (36, с.5). «Сравнение производительных сил стран, участвовавших во второй мировой войне, — писал Вознесенский, — показывает величайшие преимущества коалиции демократических государств, которые обладали значительно превосходящими возможностями и резервами в экономике и технике для победы в мировой войне» (36, с. 19). Если это последнее утверждение справедливо, то выходит, что СССР понес невероятные, невиданные потери, воюя на заведомо более сильной стороне.

В таблице 4 приведена одна из новейших оценок соотношения экономических весов воевавших во Второй мировой войне сторон. Из нее следует, что накануне нападения Германии на СССР экономическая мощь этих двух стран была примерно равной, возможно, даже СССР обладал некоторым преимуществом. Правда, в это время Германия уже широко использовала экономические возможности оккупированных ею европейских стран, чему Советский Союз, превратившийся в 1939 г. в кратковременного друга Германии (видимо, тоже в порядке использования «своеобразного резерва социалистического государства»), в немалой степени содействовал. Помогал он Германии и непосредственно.* Однако совокупное экономическое превосходство союзных держав над

* Советские историки упрекали западные державы в том, что накануне войны они поставляли Германии дефицитное сырье. Скажем, главным поставщиком нефтепродуктов были США, в 1938 г. Германия получила 984 тыс. т. американских нефтепродуктов. Но следовало бы добавить, что после подписания Пакта 1939 г. в немецкие резервуары поступило еще и 865 тыс. т. советской нефти, так что германские танки и самолеты, которые в 1941 г. пересекли границу СССР (а не США), были в немалой доле заправлены бакинским горючим. Готовившаяся к нападению на Советский Союз Германия получала из него медь, никель, платину, марганцевую и хромовую руду, фосфаты, хлопок, лен, лес. Никогда не страдавшая избытком продовольствия, СССР поставил немцам 1,5 млн. т зерна, тогда как в 1938 г. весь германский импорт пшеницы составил 1,3 млн. т. (37. с. 167; 38, с.41).

МИР РОССИИ. 1999. N1-2

державами Оси и тогда уже было бесспорным и с каждым годом войны нарастало. Положение же Советского Союза ухудшалось, ибо он оказался неготовым к войне и в первые же ее месяцы понес огромные территориальные, экономические и людские потери*.

Таблица 4

**Внутренний валовой продукт стран —
главных участников Второй мировой войны
(млрд. международных долларов в ценах 1985 г.)**

	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР	308	345	297	227	252	300	284
США	788	851	1001	1190	1407	1522	1494
Великобритания	215	237	258	265	271	260	249
Итого Союзные державы	1311	1433	1557	1681	1929	2081	2026
Германия	271	273	290	294	300	308	216
Италия	114	115	114	112	102	83	65
Япония	135	139	141	141	143	136	68
Итого державы Оси	521	528	545	547	544	527	349
Соотношения:							
Союзники/державы Оси	2,5	2,7	2,9	3,1	3,5	4,0	5,8
СССР/Германия	1.1	1,3	1,0	0,8	0,8	1,0	1,3

Источник: Harrison M. Accounting for war: Soviet production, employment and the defence burden, 1940-1945. Cambridge, 1996. P. 124.

Ценой невероятного напряжения сил и немислимых жертв к началу 1943 г. СССР удалось остановить продвижение немцев, отстоять Ленинград и разгромить немцев под Москвой и Сталинградом. Однако и после этого немецкая армия сохраняла немалую мощь, важнейшие районы СССР оставались оккупированными, закрепление успехов и продолжение войны требовало наращивания экономических и военных усилий. По официальным оценкам, уже к середине 1942 г. утраченные мощности военной промышленности удалось не только восстановить, но и превзойти (36, с.43). Продукция машиностроения увеличивалась на протяжении всех лет

* Согласно Вознесенскому, на территории СССР, оккупированной к ноябрю 1941 г., проживало до войны около 40% всего населения страны, производилось 63% угля, 68% чугуна, 58% стали, 60% алюминия, 38% зерна, 84% сахара, находилось 38% поголовья крупного рогатого скота и 60% поголовья свиней, 41% железнодорожных путей СССР (36, с.42). К этому времени продвижение немецких войск в глубь территории СССР еще не закончилось, и потери продолжали расти. Советские потери не только уменьшали экономические возможности СССР, но, в какой-то мере, увеличивали ресурсы противника — материальные и даже людские. По оценке П. Поляна, в годы войны на территорию Германии и ее союзников было перемещено около 8,7 млн. человек — военнопленных и гражданского населения (39, с.69), встречаются и более высокие оценки. Для сравнения укажем, что на восток — в тыловые районы СССР — из зоны военных действий было эвакуировано не более 12-13 млн. человек (40, с.43). Значительная часть советских граждан работала в немецкой экономике, особенно в промышленности. В 1943-1944 г. они составляли треть и даже больше от всех иностранных рабочих в Рейхе, при том, что к концу войны не менее 1 млн. советских граждан в той или иной форме действовали на стороне немецкой армии (39, с.58-59).

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

войны, в 1943 г. оборонные отрасли производили вдвое больше, чем в 1940 г. Но мобилизация внутренних экономических ресурсов к этому времени была доведена до предела, необходимый для успешного продолжения войны рост производства вооружения был возможен только за счет сокращения производства всего остального, без чего страна и ее население также не могли существовать. Продукция сельского хозяйства в 1942-1943 гг. не достигала и 40% довоенного уровня, резко снизилось производство в невоенных отраслях промышленности (40, с.43-44). Казалось, что Советский Союз вот-вот окажется в состоянии экономического и военного коллапса. Однако этого не произошло, а 1943 г. стал «годом коренного перелома» в военной экономике СССР (36, с.29). Вознесенский объясняет это чудо преимуществами социалистической системы хозяйства, западные же экономисты придают решающую роль экономической помощи союзников.

Официальные советские оценки этой роли и ее оценки западными экономистами сильно расходятся. Согласно официальной точке зрения, «советское государство, опираясь на собственные ресурсы, решило труднейшую проблему перевооружения и материального обеспечения многомиллионной армии. Поставки по ленд-лизу в СССР составляли около 4% производства промышленной продукции нашей страны» (40, с.44). Впервые эта оценка была приведена в книге Н. Вознесенского (36, с.74) и просуществовала в советском официальном сознании более 40 лет.

Сколько именно процентов от промышленной или сельскохозяйственной продукции СССР составили поставки союзников, не выяснено и по сей день. Но это, видимо, и не главный вопрос, хотя поставки были немалыми. Их объем, вначале небольшой, быстро нарастал. Американские поставки по ленд-лизу за все время войны составили 10,7 млрд. долларов, кроме того, была еще английская помощь на сумму в 312 млн. фунтов стерлингов (всего выходит около 12 млрд. долларов) (41, р.132). По оценке М. Харрисона, чистый импорт составил 5% от внутреннего валового продукта СССР в 1942 г. и 10% в 1943г. и 1944 г. (41, с.110).

Но важен не только, а может быть даже и не столько объем помощи, сколько ее структура и качественный уровень. Хорошо известна притча о войне, проигранной из-за того, что в кузнице не было гвоздя. Во время войны в советской экономике образовались «узкие места», которые невозможно было расширить собственными силами. Вознесенский писал, что к ноябрю 1941 г. «выпуск проката черных металлов — основы военной промышленности — уменьшился против июня 1941 г. в 3,1 раза; производство проката цветных металлов, без которых невозможно военное производство, за тот же период сократилось в 430 раз; производство шарикоподшипников, без которых нельзя выпускать ни самолетов, ни танков, ни артиллерии, сократилось в 21 раз» (36, с.43). Еще важнее более общее замечание о том, что особенностью военного времени стало «изменение соотношения и размеров накопления и личного потребления в пользу специфически военного потребления. При этом значительная доля общественного продукта идет на производство военной техники, которая непосредственно не воспроизводит основных фондов страны» (36, с.28). В экономике СССР возникли критические напряжения, которые, по-видимому, и удалось ослабить, благодаря экономической помощи союзников

Начиная с 1942 г., эта помощь, главным образом, американская, обеспечила массивные поставки не только и даже не столько вооружения, сколько многих важных видов промышленного оборудования, сырья и продовольствия. (В

1942 г. товары гражданского или двойного назначения составили 49% американского экспорта в СССР, в 1943 г. — 67%, в 1944 г. — 73%. в 1945 г. — свыше 80% (41, с.133)). За 1942-1945 гг. в СССР было произведено 92 железнодорожных локомотива, а получено по американскому ленд-лизу 1981; произведено (в основном в 1945 г.) 1087 вагонов: а получено 11 тыс., произведено 204 тыс. грузовиков и автобусов, получено 375 тыс. одних только грузовиков, произведено 15,5 тыс. тракторов (половина — в 1945 г.), получено 8 тыс. За время войны СССР получил по ленд-лизу 720 тыс. тонн цветных металлов (42, с.196-197). Между 1942 и 1945 гг. около трети советских заводов были переоснащены новейшим американским оборудованием (43, с.51). В 1943-1944 гг. из США в СССР было экспортировано сельскохозяйственных продуктов на 1,2 млрд. долларов (41, с. 133). Помощь союзников значительно расширила возможности экономического маневра в СССР и позволила расходовать получаемые ресурсы на тех направлениях, которые в данный момент представлялись особенно важными. Если верить Харрисону, который сделал приблизительную оценку расходования союзнической помощи, ее вклад во все виды потребления, включая и военное, был небольшим — 3,5-4%. Зато она позволила осуществить свыше трех четвертей капиталовложений военных лет (41, с. 142), без которых вся военная экономика была бы обречена на застой.

Оставим специалистам дальнейшее выяснение истинного вклада экономической помощи союзников в военные победы СССР и задумаемся над общим смыслом этой помощи. Нет сомнения, что она была частью собственной стратегии союзников во Второй мировой войне. Эта стратегия учитывала многие обстоятельства, в том числе и тактику Советского Союза. Сталину казалось, что он сложно лавировал между рифами предвоенной международной обстановки, всякий раз добиваясь каких-то выгод. Узколобый семинарист, опьяненный своими успехами в аппаратных кремлевских играх, он думал, что легко переиграет искусственных британских и прочих западных политиков. Они же искусно подталкивали его в мышеловку, которая и захлопнулась 22 июня 1941 г. Зачем англичанам или американцам было воевать с немцами, на эту роль вполне годились русские, которые сделали все. чтобы облегчить нападение на себя.

Разумеется, союзники были заинтересованы в победе над Германией и сделали все необходимое и достаточное, чтобы выиграть войну. Но не более того. Американцы и англичане берегли своих солдат. Они предпочитали поддерживать прямые военные усилия СССР, наращивая тем временем материальное превосходство над противником для нанесения решающего удара с наименьшими людскими потерями. По оценке Харрисона, достигнутое при существовании помощи союзников совокупное производство вооружений в СССР за все годы войны, обеспечило его двойное превосходство над Германией на ее восточном фронте.* Количество же оружия, произведенного за то же время в США и Англии, превышало его производство в трех державах Оси (Германии, Италии и Японии) в семь раз (44, с.242).

История войны дает все основания говорить о «специализации союзников», о «разделении труда» между ними. «Существовала реальная, практическая рабочая логика, выразившаяся в разделении труда между объединившимися партнерами.

* Это соответствует официальной советской оценке, согласно которой «Советский Союз в годы войны создал почти в 2 раза больше вооружения и боевой техники», чем Германия (40, с. 44).

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

В этом союзе богатая, в изобилии располагавшая капиталами экономика США специализировалась на производстве капиталоемких изделий, таких, как оборудование и вооружение, высокосортные материалы и горючее, а также высококачественное концентрированное и пригодное для длительного хранения продовольствие. Советский Союз продолжал производить широкий спектр военных и гражданских товаров и услуг, но, по сравнению с союзниками, специализировался на трудоемких боевых действиях» (41, с.149-150).* «По-видимому, помощь союзников СССР сделала возможным разделение труда, благодаря которому была выиграна война. Без этого каждой из союзнических сторон воевать было бы труднее. Русским пришлось бы сражаться опираясь на свои собственные ресурсы, недостаточные ни по количеству, ни по качеству, и их борьба была бы менее успешной и возможно зашла бы в тупик. Британцы и американцы были бы вынуждены больше вести сражений, убивать немцев и гибнуть от них... Возможно, в 1942 и 1943 гг. вместо боев немногих в ночном небе над германскими городами им пришлось бы вести многолюдные сражения на полях битв в Кенте или Сасексе. Возможно, к жесточести и интенсивности боев добавился бы еще оккупационный режим на южном побережье Англии с концентрационными лагерями на кентском побережье и телами повешенных на телеграфных столбах в деревнях Уильтшира» (41, с. 151-152).

Этого-то как раз и не произошло. Основная тяжесть прямых военных действий, оккупация, концентрационные лагеря и виселицы достались Советскому Союзу. Разгром немецких армий под Москвой и Сталинградом, а позднее штурм Берлина и многих других европейских столиц говорят о том, что свою роль в системе разделения труда между союзниками он выполнил.

И сильные, и слабые стороны действий СССР в войне отражали тогдашнее состояние советского общества, промежуточные результаты его противоречивой модернизации. Конечно, современная промышленность в СССР к началу 40-х годов была еще слаба. Но все же она уже существовала. Никакая помощь союзников не могла бы предотвратить поражение СССР, если бы у него не было к этому времени своих промышленных кадров, своих ученых и конструкторов, своего опыта стремительного возведения огромных заводов на пустом месте, если бы не было новых промышленно-сырьевых баз на востоке страны. Но, парадоксальным образом, эти инструментальные достижения модернизации сочетались с сохранением социальной архаики, которая, главным образом, и отличала советский способ ведения войны от англо-американского, хотя, может быть, в чем-то сближала с немецким.

Военные действия с советской стороны вела крестьянская армия, большинство солдат да, вероятно, и офицеров составляли крестьяне или очень недавние горожане. Вынеся на своих плечах главную тяжесть ускоренной индустриализации 30-х годов, они приняли на себя и главный удар войны. Вспомним еще раз размышления Глеба Успенского о русском крестьянине, о Платоне Каратаеве. «Он — частица», «он сам по себе — ничто»... Такая частица мрет массами на Шипке, в снегах Кавказа, в песках Средней Азии... В Крымскую войну таких Платонов умирало без следа, без жалобы — тысячи, десятки тысяч» (45, с.200-201). На

* «Трудоемкие боевые действия» (labour-intensive activity of fighting) — то ли дань экономическому жаргону, то ли эвфемизм, позволяющий избежать «специализации на пролипании крови» или чего-то в этом роде.

полях Второй мировой войны остались миллионы советских «Платонов», за что они и удостоились благодарности Верховного Главнокомандующего — и именно в качестве «частиц», «винтиков» советской военной машины.

Но и сам Сталин, и его маршалы, другие советские руководители, при всех их нередко выдающихся личных качествах, были «частицами» того же самого общества и вели себя в соответствии с его внутренними законами. «Все это черты чисто *наши*, родные, российские, — писал Г. Успенский о «Платоне»... — Это все — наше, но это не все. А тот тип, который гонит Платона и по горам и по степям?... Тот, кто неотступно следует по его пятам, глядя, как он мрет тысячами, и только облизывается, видя, что от этих смертей увеличивается и толстеет его карман?.. Разве это не наш тип?... Нет, именно Платон, именно его философия, именно его безропотное, бессловесное служение «всему, что дает жизнь», выкормила у нас другой тип хищника для хищничества, артиста притеснения, виртуоза терзания... Отделять эти два типа друг от друга невозможно — они всегда существовали рядом друг с другом» (45, с.201). Конечно, никто не станет утверждать, что Жуков, штурмуя Берлин, думал о своем кармане или что он был «хищником для хищничества». Но и он был выкормлен той же философией и был готов гнать «Платона» по горам и по степям, чего бы это ни стоило.

В конечном счете, несмотря на успехи «инструментальной» модернизации, позволившей Советскому Союзу выигрывать сражения с помощью современной военной техники и самостоятельно создавать эту технику, в ходе Второй мировой войны и после ее окончания СССР занял положение, обычное для старой Российской империи. Он оказался в стане победителей, в роли бесспорной великой державы, оплатив выигрышный союз привычной монетой: разоренной военными действиями территорией и немерянными людскими жертвами.

Огромность этих жертв долго скрывалась. Вскоре после войны Сталин заявил, что СССР «безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу — около семи миллионов человек» (46, с.3) — несуразность этой оценки была ясна уже и тогда.* В мае 1947 г., выступая по московскому радио, историк Е. Тарле, скорее всего, не случайно, упомянул о «положивших свои жизни 7 миллиона *солдат*» (47, с.5). Тем не менее в СССР сталинская оценка дожила до начала 60-х годов, когда в обиход была введена новая цифра — более 20 млн. (48, с.8) Но к тому времени на Западе уже давно была дана достаточно точная оценка советских военных потерь — ее сделал и опубликовал в США еще в 1948 г. Н. Тимашев. В СССР же понадобилось еще более 40 лет, чтобы прийти к тому же результату (см. табл. 5).

Согласно публиковавшимся в разное время сводным оценкам людских потерь во Второй мировой войне, на долю СССР пришлось от трети до половины всех мировых потерь. Сталин сказал в 1946 г., что потери СССР были большими, чем совокупные потери США и Англии, но он не сказал, **во сколько раз** большими. Ибо это могло бросить тень на его гениальное водительство, говорить пришлось бы даже не о разгах, а о десятках раз (табл. 6).

* Она была настолько нелепа, что ее даже не вполне поняли. В США слово *люди* перевели как *мен* (мужчины), по-видимому думая, что речь идет все же только об участниках боевых действий. (47, с. 5).

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

Таблица 5

Людские потери СССР во Второй мировой войне по разным оценкам (млн. чел.)

	Тимашев, 1948	Андреев и соавт., 1990	Скоррек- тированная оценка Андреева и соавт.*
Численность населения на 1 января 1946 г.			
Предполагаемая при отсутствии войны	218,5	209,6	209,6
Фактическая	181,0	170,5	171,5
Разница	37,5	39,1	38,1
В том числе:			
Дефицит рождений	10,9	12,4	12,4
Разница	26,6	26,7	26,7
В том числе за счет:			
Прямых военных потерь	7,0	8,7	9,5
Избыточных смертей гражданского населения	18,3	?	15,7
Итого собственно потери	25,3	?	25,2
Эмиграции	1,3	?	1,5

Источники: Timasheff N.S. The postwar population of the Soviet Union //The American Journal of Sociolology. 1948. V. 54,2. P. 153-155; Андреев Е., Дарский Л., Харьковская Т. История населения СССР 1920-1959 гг. Экспресс-информация // Серия «История статистики». Вып. 3-5 (часть 1). М., 1990. С. 121. См. также: Андреев Е., Дарский Л., Харьковская Т. Население Советского Союза 1922-1991. М., 1993. С. 74-77.

* Корректировка в последней колонке таблицы предложена нами исходя из следующих соображений. В варианте Андреева и соавторов фактическая численность населения на начало 1946 г. найдена расчетным путем, на основе данных переписи 1959 г. При этом расчет делался так, как если бы между 1946 г. и 1959 г. не было никакой миграции. На самом же деле за это время из СССР эмигрировало не менее 1,2 млн. человек: примерно 900 тыс. поляков, около 300 тыс. японцев, а также некоторое число чехов и украинцев, переселившихся в Чехословакию (50, с.233-235). Правда, имела место и иммиграция, в частности, армян. Но она была значительно меньшей, так что население СССР за это время уменьшилось, по крайней мере, на 1 млн. в результате эмиграции, и этот миллион надо **прибавить** к расчетной численности населения 1946 г. — соответственно на миллион уменьшается величина убыли населения во время войны. Нуждается в корректировке и оценка прямых военных потерь. Тимашев приравнивал их к сталинским 7 млн., заметив однако, что это — «явное преуменьшение» (49, р.153). Андреев и соавторы приняли без критики некогда секретные данные, опубликованные в авторитетном исследовании военных историков (53, с. 131). Но Максудов справедливо отметил, что эти данные не охватывают потери ополченцев, партизан и некоторые другие категории лиц, так или иначе принимавших участие в военных действиях. Скажем, авторы исследования включили в число **немецких** безвозвратных потерь 215 тыс. власовцев и участников других подобных формирований. В то же время он попытался учесть тех, кто вернулся из плена. Так появилась цифра 9,5 млн. (52, с.2). Наконец, в расчете Андреева и соавторов не разделены смерти гражданских лиц и эмиграция, хотя это можно сделать. Оценка Андреева и др. строится на сопоставлении расчетной численности населения 1946 г. с предполагаемой численностью населения 1939 г., эволюционирующего в мирных условиях. Из населения на обе даты исключены выселившиеся из СССР в связи с изменением границ немцы, японцы и финны. Но другие группы населения, мигрировавшие между 1939 г. и 1946 г. следует учесть. Это около 900 тыс. поляков, выехавших в 1944-1945 гг. (53, с.55), около 500 тыс. советских граждан, оказавшихся за границей и не вернувшихся в СССР, некоторые менее крупные группы эмигрантов. Оценка совокупной эмиграции военных лет в 1,5 млн. человек не кажется чрезмерной и не слишком отличается от давней оценки Е. Кулишера, которую и использовал Тимашев (54, с.274-288).

Таблица 6

**Мировые людские потери в ходе
Второй мировой войны по различным оценкам (в тыс. чел.)***

	Б. Урланис		Р. Сивард		Ж. Дельма	
	Все потери	Военные потери	Все потери	Военные потери	Все потери	Военные потери
СССР	20000	10000	17000	8500	26000	8600
Германия	6500	4500	6221	4750	6000	4000
Польша	5000	123	6600	600	6000	300
Югославия	1700	300	1400	400	1500	300
Франция	600	250	650	200	5800	293
США		251	408	408		
Великобритания		264	450	350		
Китай	10000	2500	2200	1350	1450	?
Япония	2350	2000	2000	1500	2630	1950
Другие страны и потери, не распределенные по странам	800	150
Весь мир	50117	21822	51760	20724	50000	менее 20000

Источники: Urlanis B. *Guerres et population*. М., 1972. Р. 321. Приведенные в таблице сводные данные отсутствуют в русском издании 1960 г. и в переиздании 1994 г.; Sivard R. L. *World Military and Social Expenditures*. 14th edition. Washington. 1991. Р. 22-25; Delmas J. *Une hetacombe humaine // L'etat du monde en 1945*. Р., 1994. Р. 45.

Пятнадцать лет спустя после начала войны в поколениях, родившихся между 1900 г. и 1925 г. и составлявших основу призывных контингентов военного времени, в Германии число женщин превышало число мужчин на 3,3 млн. В СССР же это превышение составляло 13,1 млн. чел. (перед войной, как видно из таблицы 7, большого превышения не было). При этом надо учитывать, что в СССР и потери женского населения были намного большими, чем в Германии, так как в СССР война гораздо сильнее затронула мирное население. Например, главными жертвами геноцида евреев или блокады Ленинграда в указанных поколениях были именно женщины, ибо мужчины находились в армии. Поэтому истинная разница в потерях мужского населения СССР и Германии была даже большей, чем можно судить по послевоенному соотношению полов.

М. Харрисон попытался выразить все связанные с войной потери СССР в денежной форме и пришел к выводу, что за время войны была утрачена примерно одна пятая часть предвоенного человеческого капитала и на четверть сократился капитал в материальной форме (41, с. 162). С точки зрения динамики валового внутреннего продукта на душу населения в 1940-1950 гг., «влияние войны на советскую экономику больше соответствовало опыту побежденных стран, нежели опыту победителей, Британии или США» (41, с. 167). «Хотя довоенные уровень ВВП, численность населения и пр. были скоро превзойдены, Советский Союз *никогда* не вернулся на свою довоенную экономическую траекторию» (41, с. 165). Можно спорить о том, *в какой мере* это было следствием военных потерь, но то что они оказали очень сильное отрицательное воздействие на послевоенное развитие СССР, едва ли может вызвать сомнение. Не исключено, что «эхо» материальных, а особенно человеческих потерь во Второй мировой войне слышится в России и до сих пор.

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

Таблица 7

**Число мужчин на 1000 женщин в поколениях, наиболее затронутых
Второй мировой войной, в конце 30-х и на рубеже 50-60-х годов**

	Б. Урланис		Р. Сивард		Ж. Дельма	
	Все потери	Военные потери	Все потери	Военные потери	Все потери	Военные потери
СССР	20000	10000	17000	8500	26000	8600
Германия	6500	4500	6221	4750	6000	4000
Польша	5000	123	6600	600	6000	300
Югославия	1700	300	1400	400	1500	300
Франция	600	250	650	200	5800	293
США		251	408	408		
Великобритания		264	450	350		
Китай	10000	2500	2200	1350	1450	?
Япония	2350	2000	2000	1500	2630	1950
Другие страны и потери, не распределенные по странам	800	150
Весь мир	50117	21822	51760	20724	50000	менее 20000

Источники: Рассчитано по: Андреев и др. Население Советского Союза 1922-1991. М., 1993. С. 131-132; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2. М., 1972. С. 12, 16, 20; The sex and age distribution of the world populations. The 1992 revision. UN; N.Y., 1993. P. 190.

6. Уроки холодной войны

Уроки войны можно было прочитать по-разному. Как они были прочитаны в СССР? Победа в войне породила в массовом сознании, равно как и в сознании советской политической элиты, иллюзию необыкновенной военной мощи Советского Союза. Хотя официальная пропаганда стремилась преуменьшить масштабы военных потерь, народная память сохраняла представление об их истинных колоссальных размерах, а под пером официальных идеологов огромность потерь превратилась в нечто, вроде предмета гордости. Потери рассматривались как мерило вклада в победу. Но если считать, что вклад СССР в победу над державами Оси был пропорционален понесенным жертвам, то следовало признать непобедимой и его военную мощь. Примерно такой была, по-видимому, логика послевоенного советского руководства, которое решило, что СССР может теперь обойтись без западных союзников, выступить как неевропейская, «незападная» держава и реализовать иную модель глобальной стратегии, нежели та, какой он придерживался до сих пор: не поиск союзов с одними западными странами против других, тоже западных, а борьба за мировое господство с опорой на «незападный» мир.

Нельзя сказать, чтобы это была очень новая идея. Генерал Куропаткин был не единственным, кто понял в начале XX века, что «народы других материков начинают давать отпор европейскому товару и европейскому штыку». Куропаткин делал из этого вывод о необходимости соглашения «европейского союза» с «союзом американских государств» в интересах сохранения однополюсного европоцентристского, а с включением Северной Америки, «североцентристского» мира,

призывал к солидарности «народов белой расы против народов желтой расы и чернокожих» (19, с.255). Но в России (как и в Европе в целом) было немало идеологов и политиков, которые хотели бы еще глубже переструктурировать систему международных отношений, сложившуюся в XIX веке, разрушить европоцентристскую, становившуюся североцентристской, модель мира — только не с тем, чтобы вообще отказаться от однополюсной модели, а с тем, чтобы сохранить ее, сместив центр мирового господства. В этой схеме «народы желтой расы и чернокожие» превращались в союзников одних «народов белой расы» против других — разумеется, со сменой словаря.

Эта идея содержалась, в частности, уже в большевистской теории мировой революции. Согласно Ленину, центр мирового революционного движения переместился в Россию, и самой историей ей было предудказано возглавить освободительное движение колониальных народов против мирового империализма, который, как и отметили немедленно «евразийцы», отождествлялся тогда прежде всего с Европой.

Сами «евразийцы» предложили собственный вариант той же самой идеи. Если прежде, утверждал один из их главных идеологов князь Н. Трубецкой, «можно было говорить о том, что интересы России сходятся или расходятся с интересами того или иного европейского государства», то теперь Россию ждет будущее «уже не великой европейской державы, а огромной колониальной страны, стоящей *во главе* [подчеркнуто нами. — А.В.] своих азиатских сестер в их совместной борьбе против романо-германцев и европейской цивилизации. В победоносном исходе этой борьбы — единственная надежда на спасение России... «Азиатская ориентация» становится единственно возможной для настоящего русского националиста» (55, с.53-54). Вышедшая в 1920 г. книга Трубецкого «Европа и человечество», замечает Хаунер, звучала «как комбинация Данилевского и призывов Второго конгресса Коминтерна» (12, с.60).

Впрочем, не надо думать, что идея опоры на неевропейские силы в борьбе с европейскими противниками была чисто русским или советским достоянием. Подобный подход не был чужд и другому претенденту на планетарное господство, главному противнику СССР во Второй мировой войне. Геополитическая риторика гитлеровской Германии перед войной нередко напоминала соответствующую советскую риторику, выражавшую претензии на мировое лидерство в борьбе с колониализмом под лозунгом солидарности всех обиженных и угнетенных. «Нужны крупные идеи, простые, доступные народу. Самая крупная из них следующая: объяснить необходимость защищать и расширять жизненное пространство... К счастью, мы не одни в наших усилиях добиться права самим распоряжаться собой, свободы распоряжаться своим жизненным пространством по своим собственным законам... Три пятых человечества стремятся к этой же цели. Усилия долговременной внешней политики должны быть направлены на совместные с ними поиски путей, которые ведут к свободе» (32, с.208-209). Мы уже видели, что Хаусхофер намеревался искать союзников в паназиатском движении, а также в Японии и России. Смысл таких союзов, в том числе и только что заключенного тогда союза с СССР, был все тот же: перераспределение власти в однополюсном мире. «Мы сможем получить наши колонии только в жестокой борьбе, только создав мощное давление; мы сможем их вернуть только сойдясь лицом к лицу с некоей колониальной державой, и только в этом случае... мы сможем восстановить наше

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

участие в африканском сотрудничестве, каким его видит Фюрер... Оно невозможно без мощной поддержки, с помощью которой мы обеспечили наше европейское жизненное пространство на востоке и которая заставит западные державы уступить... Именно к этому сводится решающий геополитический поворот 1939 года» (31, с.135-136).*

Надеждам Хаусхофера сокрушить западные демократии с помощью «трех пятых человечества» и за счет этого расширить жизненное пространство Германии не дано было осуществиться. Советскому же Союзу, в отличие от Германии, до известной степени удалось воплотить в жизнь идею опоры на незападный мир. Какое-то время казалось, что после Второй мировой войны осуществились наихудшие опасения Макиндера (или, в каком-то смысле, надежды Хаусхофера). Контроль над Восточной Европой, а, по Макиндеру, это означало и контроль над хартлендом, стало быть, и над «Мировым островом», и надо всем миром, оказался в одних руках — правда, не в немецких, как обычно ожидали, а в советских. СССР создал мощный антизападный фронт (не этого ли хотел Хаусхофер?), противостоявший «атлантизму», который к этому времени полностью заместил «европеизм». На какое-то время он возглавил огромный «антиимпериалистический» блок, включивший в себя, помимо СССР, ряд стран Восточной и Центральной Европы, Восточной и Юго-Восточной Азии, в том числе Китай.** Островки «свободы» (как снова не вспомнить Хаусхофера?) стали появляться в Африке и Америке. В Европе он почти выполнил заветы Данилевского: внешние европейские границы советского блока сразу после Второй мировой войны отличались от границ «Славянской федерации» Данилевского только за счет Финляндии и Греции (хотя и здесь, как известно, попытки выйти на обозначенные Данилевским рубежи были, но оказались неудачными), да Царьград с проливами все еще оставался вне досягаемости. Зато власть Москвы распространилась на Восточную Германию, чего Данилевский, верный европейскому этикету и пропрусским симпатиям, не предлагал.

Тем не менее, в конечном счете, послевоенная геостратегия СССР оказалась ошибочной и привела его к поражению в «холодной войне».

Ошибочной оказалась ставка на единство интересов разных частей «мировой социалистической системы», в частности, СССР и Китая. Наивно было думать, что огромный Китай, представляющий собой самостоятельное цивилизационное и геополитическое пространство, станет послушно двигаться в фарватере советской внешней политики, тем более что СССР и Китай стояли и перед совершенно разными внутренними задачами.

Ошибочной оказалась попытка подчинить себе страны Восточной Европы. Здесь в действиях СССР проявилась (разумеется, без всяких ссылок на Макиндера или Хаусхофера, скорее, интуитивно, чем осознанно) все та же устаревшая «макиндеровская» или, точнее антимакиндеровская логика. Советский Союз не удовольствовался восстановлением, хотя бы частичным, пояса самостоятельных восточноевропейских стран, ролью освободителя и гаранта их целостности и независимости. Напротив, он сделал все, чтобы превратить эту независимость в чистую формальность, стал грубо вмешиваться в их внутренние дела, насильственно насаждать в восточноевропейской «зоне влияния» советскую модель социализма. Она

* Имеется в виду советско-германский пакт о ненападении.

** В 1950 г. «социалистический лагерь» объединял почти 900 млн. чел. В 1985 г. в тех же границах жило 1,6 млрд. чел., но былого единства уже не было.

совершенно не соответствовала условиям и нуждам этих стран, особенно более модернизированных, «западных», таких, как Восточная Германия, Чехословакия, Венгрия, Польша, обрекала их на движение не вперед, а назад. Восточная Европа постепенно превратилась в зону сопротивления. В ней быстро нарастали силы отталкивания, которые сводили на нет силы сближения, порожденные недавней совместной борьбой против германского «нового порядка» в Европе, а отчасти и более давним историческим опытом противостояния германской и турецкой экспансии.

Ошибочным оказалась и понимание объективных условий, интересов и возможностей стран Третьего мира. Большинство из них отнюдь не поспешили примкнуть к «социалистическому лагерю» и признать лидерство Москвы, размахивавшей флагами «антиколониализма», «национально-освободительных движений» и пр. Гораздо более дружно они объединились вокруг лозунга неприсоединения и, по возможности, дистанцировались от обоих противостоящих блоков. Но реальное расстояние оказалось неодинаковым. Борьба за влияние в Третьем мире не прекратилась, а истинные возможности СССР и его западных конкурентов были разными. Предоставить серьезную экономическую помощь развивающимся странам СССР, в отличие от США и его союзников, не мог, так как сам был беден. Да это и не входило в его планы, ибо главным полем «соревнования двух систем» для него давно уже стала военно-стратегическая область — на всех остальных полях СССР явно терпел поражение. Открыто отдавая предпочтение политике перед экономикой, СССР тратил огромные средства на поддержку бесперспективных политических режимов в ряде «дружественных» развивающихся стран — исключительно в интересах сохранения конфронтации с Западом, но даже политическая отдача этих затрат была очень низкой. В какой-то мере неприсоединившиеся страны пользовались распрей между двумя блоками, возможно даже иногда играли на их противоречиях в своих интересах. Но при этом реальное присутствие и влияние западного блока в Третьем мире было намного большим, чем советского, а сам этот мир, как правило, все более уверенно двигался по «капиталистическому», а не «социалистическому» пути.

Но, может быть, главной причиной поражения СССР в холодной войне стало само вступление в эту войну, вытекавшее из ошибочного понимания планетарной геополитической обстановки второй половины XX столетия. Истинной, хотя и весьма нереалистической целью долговременной политики Кремля было «похоронить капитализм», т.е. «Запад», своего главного геополитического конкурента, и восстановить однополюсный мир, подобный европоцентристскому миру XIX века, но с новым центром принятия решений, который, разумеется, должен был находиться в Москве. Основной просчет заключался даже не в том, что у Москвы не было для этого достаточных сил, а в том, что такая цель была в принципе недостижимой. Возвращение в прошлое столетие было невозможно, макиндеровского мира с единственным центром мирового господства больше не существовало. Вторая половина XX века породила принципиально новый императив — императив многополюсного, избегающего глобальных противоборств мира. Все страны, в том числе и те, которые и сами непрочь были бы занять место единственного центра принятия глобальных решений, стали приспособляться к этому новому способу международного общежития. Мир бурлил сотнями локальных конфликтов, экономическая конкуренция между странами иногда приобретала очень острые формы, но никто не помышлял о том, чтобы силой воспрепятство-

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

вать становлению или росту самостоятельных региональных центров принятия экономических или политических решений.

Только СССР упорно продолжал следовать прежнему курсу, деля мир на «два лагеря», которые, по всей логике развития событий, должны были рано или поздно сойтись в решающей схватке. Серьезных шансов на победу у СССР никогда не было, зато в его политике было много элементов «нечаевщины», которые отчасти компенсировали его слабость. Ставка на «лихой разбойничий мир» в международных масштабах, поддержка любых антизападных выступлений и движений, даже откровенного полуполитического-полууголовного терроризма, ядерный шантаж, демонстративная несговорчивость советской дипломатии — все это делало СССР опасным противником. Исходом борьбы «лагерей» могла стать победа одного из них или гибель обоих, а эта альтернатива никого не устраивала. С Советским Союзом, обладавшим огромным ядерным арсеналом, приходилось считаться.

Только много ли выиграл от этого сам Советский Союз? Как и можно было предвидеть, противостоять в одиночку всему Западу оказалось для него непосильной задачей. На поддержание своего положения одной из двух мировых сверхдержав он расходовал огромные средства, но явно переоценил при этом собственные возможности. В истощенной военными и другими «великодержавными» расходами стране нарастали и обострялись внутренние проблемы, она подошла к границе своих экстенсивных ресурсов и разорилась.

7. Вариации на темы будущего

Распад СССР и конец холодной войны создали новую обстановку для России, для бывших республик СССР, для Восточной Европы и для всего мира. Возникла историческая развилка, появились новые варианты развития европейской и глобальной геополитической ситуации. Что станет с контролировавшимся СССР «Евразийским пространством»? Как будут складываться его отношения с внешним миром? Сохранится ли оно как нечто целостное или отойдет по частям к соседними «большим пространствам»? Какое место займет в нем Россия? Существуют разные ответы на эти вопросы, разные проекты, разные сценарии будущего.

Возвращение в Европу

Поражение в холодной войне и критика «изнутри» советского империализма обусловили появление противоположных ему по смыслу, миролюбивых, основанных на отказе от противостояния Западу внешнеполитических проектов. В их основе лежали идеи сотрудничества «Востока» и «Запада», сталкивающихся с одними и теми же глобальными вызовами.

Подобные идеи вдохновляли в середине 80-х годов инициаторов советской «перестройки», провозгласивших эру «нового мышления», «общеевропейского дома» и пр. Отказ от борьбы с атлантистским Западом и сближение с ним казались естественной альтернативой прежнему глобальному противостоянию, разорившему страну и угрожавшему всемирной ядерной катастрофой. Тогда еще существовал СССР, и считалось, что он и будет единственным, или, по крайней

мере, основным субъектом сотрудничества с Западом. При этом не предполагалось слияние с ним, стирание всех границ между «социально-политическими системами». «Перестроечная» геополитическая мысль поначалу считала неизблемым или, во всяком случае, очень долговременным деление человечества на три мира — социалистический, капиталистический и развивающийся — и видела в существовании социалистического блока залог независимости развивающихся стран. «Никому не дано закрыть мир социализма, развивающийся мир или мир развитого капитализма, — писал Горбачев. — А ведь существует такая, с позволения сказать, точка зрения, что социализм — историческая случайность и его пора отправить на свалку. И тогда «третий мир» станет ручным. Все вернется на круги своя — можно и дальше благоденствовать за счет других» (56, с.138). Горбачев, кажется, всерьез считал «второй» (социалистический) мир единственным защитником «третьего», который тем временем мало-помалу превращался в «первый». «Новое мышление» Горбачева допускало лишь «чтобы мирное соревнование общественных систем развивалось естественно, чтобы оно поощряло взаимовыгодное сотрудничество, а не конфронтацию и гонку вооружений» (56, с.264).

Последующее развитие стерло казавшиеся вечными политико-идеологические границы, отделявшие «мир социализма» от других миров, и открыло пути такого взаимодействия «Востока» и «Запада», какое прежде казалось невысказанным. Рядом с проектами неконфронтационного сотрудничества между ними стали появляться проекты военно-политического союза, вступления России и других постсоветских государств в НАТО, совместного участия в наведении порядка в других районах планеты и пр. Но одновременно на пути подобного рода проектов стали обнаруживаться и подводные камни.

Нет сомнения, что евроатлантическое сотрудничество с участием России и других государств — наследников бывшего СССР — может быть очень полезно с точки зрения ответа на экономические, социальные, культурные, экологические, демографические вызовы приближающегося XXI века. Даже просто отказ от гонки вооружений увеличивает совокупные ресурсы, которые можно направить на экономическое развитие или защиту окружающей среды. Однако достаточно ли для этого простого «возвращения» к сотрудничеству, которое некогда существовало, — включая и сотрудничество в разделе мира, подавлении революционных движений, подготовке войн?

Есть, по меньшей мере, два опасных направления развития мировой обстановки после окончания холодной войны. Одно из них связано с отношениями Севера и Юга. «Возвращаясь в Европу», постсоветское пространство замыкает «северное кольцо» планеты. Оно становится частью Севера и при этом в каком-то смысле воспроизводится прежняя «европоцентристская» (теперь «североцентристская») структура мира. Не усилит ли это конфронтацию Север-Юг при явном преимуществе Севера? Не поведет ли к возникновению неокOLONиалистских «сфер влияния»? Так ли уж был неправ Горбачев, опасавшийся за судьбу «Третьего мира»?

Идеология либеральных «евроатлантистских» проектов отвечает на эти вопросы примерно следующим образом. Юг уже не представляет собой прежней легкой добычи, напротив, его мощь растет, и он может даже сам угрожать Северу, особенно в случае резкого обострения и без того трудно разрешимых экономических, демографических и социальных проблем в какой-либо из его огромных частей. Поэтому речь идет не о новом разделе Юга, а о совместной помощи

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

в решении этих проблем, не в последнюю очередь с целью предотвращения социального взрыва в Третьем мире, чреватого общей угрозой западным ценностям, западному образу жизни, всей западной цивилизации. Эта угроза сплачивает страны Севера (включая Россию и другие постсоветские государства, по крайней мере, европейские), порождает силы, которые их соединяют более, нежели разъединяют. Новая обстановка способствует относительно мирной экспансии западной цивилизации, но в этом нет ничего плохого ни для Запада, ни для Востока (Юга). Постепенно на Юге складываются свои области модернизации (например, в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии), и со временем граница между Севером и Югом сотрется.

Вторая опасность связана со взаимоотношениями внутри самого Севера. Он и сейчас неоднороден. Есть, по крайней мере, три «Севера» — США, Европа и Япония, каждая из этих частей имеет собственные экономические и политические интересы, между ними идет довольно напряженное соперничество. Соотношение сил меняется, и безусловное лидерство США все больше ставится под сомнение — как это было в начале века с лидерством Британии. Во времена холодной войны наличие «второго полюса» в виде Советского Союза, Варшавского пакта и пр. сплачивало остальные части Севера перед лицом общей опасности и отодвигало разногласия на второй план. Но теперь советская угроза отпала, а вместе с ней отпали и многие внешние побуждения к сближению. Если Россия — одна или вместе с другими частями бывшего СССР — войдет в состав Севера, даже и отказавшись от советского конфронтационного наследия, огромное пространство Восточной Европы и Северной Азии все равно останется носителем своих собственных интересов. Система отношений между частями Севера усложнится, а это может усилить его внутренние напряжения и даже поставить под угрозу его единство. Не возникнут ли внутри кажущегося солидарным Севера новые противостояния, подобные прежним внутриевропейским, которые уже дважды привели к мировым войнам?

Теоретически есть либеральный ответ и на этот вопрос. Более сложные системы и более устойчивы. Наличие неоднородных частей, меняющееся соотношение их сил как раз и свидетельствует о развитии Севера в направлении многополярности. Добавление России, которая способна превратиться в один из равноправных полюсов Севера, только усиливает эту тенденцию и приближает мир к устойчивому равновесию. Конечно, эгоизм интересов и связанные с этим разногласия не исчезают. Но прежние, военные способы их преодоления уже не имеют смысла. Мировых колониальных империй, основанных на прямых территориальных захватах, больше нет. Даже если вопрос о зонах влияния возникает, он переносится в экономическую и культурную плоскость, но не порождает проблем глобального военного противостояния. Уже сам факт прекращения холодной войны и резкого ослабления ядерной опасности подтверждает правильность такой логики.

Оптимистическую картину начала третьего тысячелетия легче нарисовать, чем воплотить в жизнь. Как ни заманчива либеральная логика благополучного «конца истории», полной гарантии безоблачного будущего она не дает. Вызовы, перед которыми стоит человечество, остаются очень серьезными. Среди них есть и вызовы, порожденные концом холодной войны и разрушением двухполюсного мира. Не отрицая этих вызовов, либеральная, «западническая» мысль склонна считать, что общий баланс совершившихся перемен — положительный. Глобальные проблемы не исчезли, но искать их решения стало немного легче.

Третий русский империализм

Оптимистический сценарий миролюбивого «возвращения в Европу» — не единственный из занимающих внимание постсоветских политиков. Поражение в холодной войне, распад СССР и утрата им, а стало быть и его преемницей Россией, положения одной из двух мировых супердержав болезненно воспринимаются частью российского постсоветского общества. В России существуют естественные для нынешнего периода ее истории настроения великодержавного реванша, довольно громко звучат голоса критиков и противников отказа от вошедшего в привычку противостояния Западу. Они не придают значения растущей многополюсности мира либо оспаривают ее, зато подчеркнута драматизируют опасности возвращения к миру однополюсному, где, по их мнению, безраздельно господствуют США. Время от времени напоминают о себе мозговые центры, которые разрабатывают новые империалистские сценарии, опирающиеся на национал-патриотические, шовинистские идеи, призванные заменить прежние сценарии, проводившиеся в жизнь под вылинявшими со временем лозунгами пролетарского интернационализма и национально-освободительной борьбы колониальных народов. Используя употребленное в другом контексте выражение А. Зубова («третий русский национализм»), можно говорить о нащупывании геостратегии третьего — после царского и советского — русского империализма.

Еще в 1994 г. французская газета *Монд* опубликовала копию карты Европы будущего, которую Жириновский вручил шведскому дипломату, посетившему штаб-квартиру ЛДПР. Бравой рукой Жириновский начертал (и подписал) свой план европейской перекройки. Западная половина Польши отходит к Германии, к которой к тому же присоединяются Австрия, Чешская республика и Словения; ей возвращается Восточная Пруссия с Кенигсбергом. Но и Россия не остается в накладе. Она вбирает в себя Украину (от которой отрезается и передается Польше изрядный кусок, включая Львов), Белоруссию, три балтийские государства (Таллинн и Каунас, в порядке исключения, превращаются в города-государства «наподобие Люксембурга или Лихтенштейна»), а также Словакию. Восстанавливается «Великая Болгария» за счет поглощения бывшей югославской Македонии и территорий, отторгаемых от Турции, Греции и Румынии. То, что остается от бывшей Югославии, делится между Сербией и Хорватией, еще одна часть Румынии отдается Венгрии. Замыслы Жириновского, замечает газета, — не просто плод воображения, ибо они воспроизводят элементы реальной карты Европы, какой она была примерно пятьдесят лет назад (57).

Открытая демонстрация некоторыми российскими деятелями симпатий к «новому европейскому порядку» времен оккупации Европы нацистской Германией — отнюдь не случайный и редкий эпизод. Она вполне созвучна геополитическим проектам, которые вынашиваются определенной частью российского политического истеблишмента. Материал для конструирования таких проектов заимствуется из разных источников — от Данилевского и евразийцев до геополитиков Третьего Рейха и европейских «новых правых». Предлагаемые сценарии также обычно вращаются южком идеи возвращения России на Запад (или на Север) с последующим его расколом, «похищения Европы» с продолжающейся борьбой за влияние на Юге. России, как в недавнем прошлом СССР, отводится роль главного форпоста против «атлантизма», «американизма», «мондиализма» и т. п. — теперь уже во главе всей Европы.

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

В «неоклассическом» варианте такие сценарии означают не что иное, как возрождение одноцентрового мира начала столетия, восстановление — с поправками, учитывающими реальности конца XX века, — того, чего либеральный проект надеется избежать: старого клуба хозяев мира со свойственной ему и сегодня смертельно опасной для человечества системой внутренних отношений. Трудно выразить эту идею яснее и откровеннее, чем это сделал простодушный враг «мондиализма» Жириновский. «Идея мирового господства — порочная. Лучше — разделение сфер влияния. И по принципу: север — юг... Нужно договориться..., что мы разделяем всю планету, сферы экономического влияния и действуем в направлении север-юг. Японцы и китайцы — вниз, на Юго-Восточную Азию, Филиппины, Малайзию, Индонезию, Австралию. Россия — на юг — Афганистан, Иран, Турция. Западная Европа — на юг — африканский континент. И, наконец, Канада и США — на юг — это вся Латинская Америка» (58, с.71-72).

В том особом мире, где Жириновский может считаться либеральным демократом, неизбежен и свой антилиберальный полюс, для которого даже схема раздела мира по варианту Данилевского-Хаусхофера-Жириновского — проявление слабости, недопустимая уступка дьявольскому «мондиализму». Душа может успокоиться только если будет воссоздана империя, претендующая на мировое господство. «Эта империя... должна стратегически и пространственно превосходить предшествующий вариант (СССР)..., должна быть евразийской, велико континентальной, а в перспективе — Мировой. Битва за мировое господство русских не закончилась» (59, с.213).

Конечно, разночтения в книге будущего, которую пишут сегодня российские имперские реваншисты, не следует преувеличивать. В основном они — заединщики, дружно рвущиеся, по крайней мере, на словах, заново переделить мир и установить в нем новый порядок. Их роднит стремление переписать историю XX века, пересмотреть итоги Второй мировой войны, реабилитировать тоталитаризм и милитаризм во всех его видах. Умеренными не назовешь никого из них. Но даже на таком в целом беспокойном фоне нынешних имперских и полуимперских проектов нельзя не заметить идеологических и политических течений, выделяющихся особой крайностью позиций. Порой эти позиции кажутся оригинальными, да они и в самом деле оригинальны для России, где все же не принято было ставить под сомнение ни окончательный выбор стороны, на какой СССР воевал во Второй мировой войне, ни ее с таким трудом достигнутые результаты. Но именно это делают некоторые новейшие российские «геополитики». Их Мекка — германо-советский пакт 1939 г., их главное горе — несостоявшееся братство Сталина и Гитлера. «Нашей общей трагедией стало то, что силы всемирного заговора смогли развести наши страны и направить в 1941 году всю мощь германского вермахта не против истинного врага немецкого народа — международной финансовой олигархии, а на Советский Союз, его естественный союзник» (60, с.21).*

Но беду еще можно поправить, даже несмотря на то, что возможности, существовавшие во времена СССР, были упущены. Вскоре после его распада самые разные издания — «Советская Россия» и «День», «Наш современник» и «Элементы» — принялись ностальгически популяризировать идеи практически неизвестного на

* «Направить на естественный союзник» звучит немножко по-немецки, но для настоящего русского патриота, тем более депутата Государственной Думы, это, конечно, не беда.

Западе бельгийского автора Ж. Тириара, «рыцаря Европы», полагавшего что «для реализации идеи объединения Европы нужна помощь Советской армии» (61, с.8). Во время Второй мировой войны этот «Ленин европейской национальной революции» принадлежал к «кругам СС..., пытавшимся... изменить логику абсурдной и самоубийственной войны с Востоком и, сместив Гитлера и англофильское лобби вокруг него, вместе с советскими солдатами совершить великий Drang nach Westen, чтобы навсегда покончить с англо-саксонской плутократией и завершить войну не в расчлененном Берлине, но вместе с русскими войти в поверженный Лондон и поставленный на колени Нью-Йорк» (62, с.72). Позднее Тириар развивал идеи «Евро-советской империи от Владивостока до Дублина». «С геополитической точки зрения, — пересказывает позицию Тириара «патриотический» геополитический журнал, — СССР является наследником Третьего рейха. Ему ничего другого не остается, как, двигаясь с востока на запад, выполнить то, что Третий рейх не сумел проделать, двигаясь с запада на восток» (61, с.5).

Подобные публикации послужили камертоном, на который настраивалась разработка более обстоятельных, продуманных до деталей проектов возвращения к положению, существовавшему между сентябрем 1939 г. и июнем 1941 г. Тут уж ни о какой оригинальности говорить не приходится — идет простое извлечение из нафталина подзабытых нацистско-большевистских замыслов (частично реализованных тогда) конца 30-х годов. Вот основные звенья одного из таких проектов. Создание на месте СССР новой империи, которая «не может быть никакой иной, кроме как Русской» (59, с.215). Создание Европейской империи под руководством Германии, ибо «только Германия и немецкий народ обладают всеми необходимыми качествами для эффективной интеграции этого геополитического региона» (59, с.220). «Создание прочной геополитической и стратегической оси Москва-Берлин», ибо «в нынешних условиях трудно ожидать от Европы подлинного геополитического и национального пробуждения без революционного воздействия русского фактора» (59, с.222). «Заведомое развешивание иллюзии промежуточных государств относительно их потенциальной независимости от геополитически могущественных соседей. Необходимо создать непосредственную и ясную границу между дружественными Россией и Средней Европой (Германией)» (59, с.226). Создание оси Москва-Токио* и возрождение японского экспансионизма в тихоокеанском бассейне. «Федерация тихоокеанского пространства вокруг Японии была основной идеей т.н. «паназиатского проекта», начавшего реализовываться в 30-е - 40-е годы и прерванного лишь из-за поражения стран оси в войне. К этому паназиатскому проекту необходимо вернуться сегодня» (59, с.233). Создание оси Москва-Тегеран, ибо Иран для Азии — это то же, что Германия для Европы. К тому же «иранский ислам — наилучшая версия ислама для вхождения в континентальный блок, и именно эта версия должна быть приоритетно поддержана Москвой». Поэтому «Москва... должна ...делегировать Тегерану миссию наведения «иранского мира» (Pax Persica)» в Центральной Азии (59, с.242, 244). И, наконец, венец всех этих усилий — подрыв мощи США «вплоть до полного

* В данном случае добросовестное следование схеме «великого Хаусхофера» заставляет автора основательно попотеть, чтобы, вопреки своей собственной логике, сделать выбор между Токио и Пекином в пользу Токио. Тем не менее выбор сделан, и автор лишь замечает, сурово насупив брови, что «в случае активного противодействия евразийским проектам, с Китаем придется обращаться как с геополитическим противником со всеми вытекающими отсюда последствиями» (59, с. 236).

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

разрушения этой геополитической конструкции» (59, с.248).

Победоносный имперский проект имеет подварианты. Например, в другой его версии несколько больше внимания уделяется Китаю и Индии — странам с населением 2,2 млрд. человек — более трети мирового населения, в 15 раз больше, чем в России. Они рассматриваются как естественные союзники между собой и, конечно, с Россией — разумеется, под ее руководством. Но в остальном — идеи те же. «Нашими естественными стратегическими союзниками должны быть Германия и Япония... Представим себе, какие геополитические последствия для всего мира могли бы иметь... российские инициативы: 1. Образование военно-политического союза Германии, России и Японии, т.е. создание оси «Берлин-Москва-Токио». 2. Защита этой оси с юга блоком Россия-Китай-Индия, открывающим Китаю путь территориальной экспансии на Запад через Южный Казахстан и Иран на Турцию и закрепляющим ведущую роль Индии в субрегионе полуострова Индостан. 3. Совместный с Германией и Японией «передел» сфер влияния в Европе, Юго-Восточной Азии, Африке и Латинской Америке» (60, с. 19-20).

Российские «патриоты» призывают «японский и немецкий народы отказаться от позорящих их конституций, ограничивающих эти две великие страны в свободе внутренней и внешней политики» (60, с.21). Необходим «официальный отказ от всех соглашений, определяющих и закрепляющих послевоенные границы как в Европе, так и в Азии» (60, с. 16-17). Польша должна «незамедлительно вернуть все немецкие (включая часть Восточной Пруссии) и белорусские земли». России следует начать переговоры с Германией «об урегулировании вопроса российской части Восточной Пруссии» (60, с.18). Ее «целесообразно вернуть ... Германии... Для того, чтобы это действие не стало бы восприниматься русскими как очередной шаг в геополитической капитуляции, Европе имеет смысл предложить России другие территориальные аннексии или иные формы расширения стратегической зоны влияния» (59, с.228). «Страны Прибалтики, Польша, Молдавия и Украина... должны подвергнуться геополитической трансформации» (59, с.228). Необходимо выработать «согласованный подход по Прибалтике и Украине, по немецким землям в составе Франции и Чешской Республики». «Пусть попробуют доказать, что идея атлантизма будет немцам ближе идеи национального возрождения!!!» (60, с.18).

Амбициозность имперско-патриотических внешнеполитических проектов может сравниться разве что с их невыполнимостью. Кажется, что их авторы оторваны от реальности еще больше, чем Данилевский или Хаусхофер. Впрочем, возможно, это и не совсем так. В «третьем русском империализме» есть что-то бутафорское, что-то от дымовой завесы, скрывающей некие неназываемые или нечетко называемые цели. Планируя всемирное кровопролитие на весь XXI век, российские «геополитики» едва ли и в самом деле собираются немедленно маршировать к Индийскому океану или Персидскому заливу, воевать с Китаем или аннексировать Финляндию. Суть дела, видимо, в другом.

Разумеется, они были бы не прочь восстановить распавшуюся империю. И есть своя логика в том, что центр тяжести направленных на эту цель пропагандистских усилий смещается с обесценившихся внутривнутриполитических («братство народов», «совместное построение коммунизма» и пр.) на внешнеполитические доводы, подводящие к якобы объективному требованию «воссоединения евразийских территорий под покровительством России как «оси Истории»» (60, с. 18). Но за великодержавной геополитической риторикой еще более ясно просматриваются внутривнутриполитические цели, стремление вернуться к проверенной стратегии «осаж-

денной крепости», восстановить утраченное «оборонное сознание» и создать таким образом предпосылки для реванша тоталитаризма.

По сути, речь идет о *геополитической утопии*, которая предлагается взамен потерявшей привлекательность хилиастической утопии построения царства Божия на земле. Геополитика возводится в ранг мировоззрения, универсальной идеологии, призванной заменить «марксизм» в не отвыкшем еще от идеократии постсоветском российском обществе и возродить забываемое мобилизационное напряжение. Диковатые проекты «геополитиков» должны оправдывать навязывание России новой идеократии, не слишком, впрочем, отличной от старой. Теперь ей предлагается нечто вроде придуманной еще евразийцами смеси православия с большевизмом. Несмотря на «во многом национал-коммунистический» характер советской идеологии, подлинная «идеология национал-большевизма... так и не была сформулирована» (59, с.203), жалеют «геополитики» и выкладывают на прилавок слегка подправленные евразийские рецепты. «В рамках русского этноса русский национализм должен быть единственной и тотальной идеологией..., всегда остающейся постоянной во всем, что касается постановки категории «нации» над категорией «индивидуальности». В конечном счете, должен быть выдвинут радикальный лозунг: «нация — все, индивидуум — ничто» (59, с.257). «Осуществление такого национализма в политике должно означать тотальное воцерковление русских и превращение всех культурных институтов в продолжение Единой Церкви... Воцерковлению... подлежат не индивидуумы, но *вся* русская культура, наука, мысль вместе взятые» (59, с.256). Все это, по-видимому, снова должно стать «колесиком и винтиком» одного единого, великого, но на этот раз церковного механизма, составной частью организованной, планомерной, объединенной националистической партийной работы.*

Христианское смирение будущих воцерковленных завоевателей мира хорошо сочетается с их целомудрием. «Патриоты-традиционалисты» «в вопросах пола однозначно настаивают на внутренней концентрации эротического импульса и на его сакрализации. В пределе... это означает тотальную переориентацию секса в духовную сферу» (62, с.214). В духовной же сфере эротической кульминацией, оказывается, как раз и служит Империя, ибо «высшей формой планетарной эротики, макрокосмической сексуальности является имперостроительный импульс, который ведет к объединению гигантских географических, этнических и культурных пространств под эгидой единого правителя» (62, с.217). «Россия была одной из последних Империй, которая сохраняла сугубо имперскую эротическую специфику намного дольше других государств». Распад Империи, «наносающий удар в самый центр эротической стихии ее жителей», порождает реакции, которые проявляются «в течение долгих веков после гибели Империи как постоянное и настойчивое стремление к Реставрации» (62, с.218). Поэтому «эротическая программа» русских патриотов вызывает «к древним, глубинным энергиям великой имперской расы» (62, с.219), а «эротизм становится для нас почти единственным средством для реального выбора, который решит окончательно судьбу нашей Державы и нашей Имперской Расы» (62, с.220).

Внешнеполитические и внутриполитические мотивы в рассуждениях «геополитиков» все время перемещиваются, так как «национальные тенденции поли-

* Найдутся, возможно, нервные интеллигенты, которых встревожит такая перспектива, но им следует прочесть статью Ленина «Партийная организация и партийная литература» и успокоиться.

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

тической оппозиции внутри России с необходимостью... солидарны со всеми антимощалистскими проектами геополитической интеграции вне России» (63, с. 19-20). Геополитические доводы используются как инструмент психологического давления на внутривластных противников, а — в случае успеха — и для оправдания будущего внутривластного террора. «Пока геополитические диверсанты дышат, Россия задыхается. Она сможет вздохнуть свободно и начать столь необходимое для нее «собрание Империи» как только «подрывники» испустят дух» (64, с.35). «Тот, кто знает логику действия великих эротических энергий, легко может предвидеть, что чужеземно ориентированные поборники «правовых государств» рано или поздно станут жертвой эротической агрессии имперских этносов» (62, с.219). «Тот, кто действует против Евразийского Имперского Проекта, действует против своего народа, против своего государства, против национальных и социальных интересов России. Вполне справедливо считать таких персонажей «преступниками против Родины» и поступать с ними по законам военного времени... Всенародный Суд над ними... должен вершиться не по законам абстрактного права, но по законам Русской Исторической Правды, по законам нашего Большого Пространства» (62, с.219).

К сожалению, обилие заглавных букв — не единственная сила «геополитиков». Как ни примитивен их подражательный замысел, как ни нелепа его псевдорелигиозная, мистическая оболочка, как ни несбыточна утопия новой великой империи, у них все-таки есть потенциальные сторонники. Оказавшиеся на экономической или культурной обочине общества «массы» всегда восприимчивы к «великим проектам», особенно если им не предлагают ничего другого. Может быть, число людей, готовых надеть военную форму и отправиться на завоевание мира, не так уж велико в сегодняшней России. Но при этом нельзя отрицать, что великодержавные лозунги отвечают настроениям части общества, и это приходится учитывать всем актерам, действующим на российской политической сцене. Идеология «патриотического» внешнеполитического проекта проникает, пусть пока и в не очень больших дозах, в сознание конформистской интеллигенции, российской политической элиты, в какой-то мере материализуется в официальной политике России. Так что и «геополитики» не остаются совсем неслышанными. Хотя им, конечно, хотелось бы большего. Намного большего.

Островная утопия

Естественной реакцией на опасный во всех отношениях имперский реваншизм кажется появление противоположных ему по смыслу изоляционистских проектов. «Среди всех нынешних искушений России самые опасные... искушения «третьеримством», «собранием земель» и реинтеграцией союзных пространств», — заявляет современный автор (65, с.6) и предлагает свой образ геополитического будущего России. Раз уж ее судьба как супердержавы не сложилась, а ее империя распалась, почему бы России, все еще обладающей самой большой на планете территорией, самым большим в Европе населением, огромными природными ресурсами и отнюдь не самым маленьким ядерным потенциалом, не обособиться еще больше от покинувших ее «братских республик» да и от всего мира? Почему бы не «вывести Россию из ареала столкновения ислама с либерализмом, ставя ее вообще вне распри «имущего» и «неимущего» миров» (9, с.22), и не зажить в гордом одиночестве, постепенно по-новому решая «вопрос об Океане для острова России» (9, с.22)?

Ниточка этой идеи тянется в 70-е годы, когда «начинает неожиданно громко звучать голос русского изоляционизма с обертонами редуционистского «отречения от империи» (9, с. 17). Он звучал, например, в некоторых самиздатских изданиях, в частности, в журнале «Вече» — его редакция «не желала идентифицировать себя с «мессианистами» и подчеркивала идеологическую преемственность по отношению к Данилевскому, который «отвергал любой национальный мессианизм» (66, с. 176). Но все же тогда речь шла (как и у Данилевского) об имперском изоляционизме. «Славянской Федерации» у Данилевского, СССР у авторов «Вече» предписывалось «закрыв на замок границы... титанической империи, спокойно ждать, пока Запад окончательно «сгниет» под давлением своих внутренних противоречий» (66, с. 175).

Теперь же приходится искать место «вне распри «имущего» и «неимущего» миров» для России в более узких географических рамках. Однако вся остальная схема остается прежней, включая и видоизмененное воспроизведение давней «изоляционистской» риторики Данилевского. «Для нас благоприятно положение дел, когда революционаризм не может взорвать миропорядка, но и лидеры «центра» не могут быть уверены в том что диктуемые ими правила не будут подвергнуты критике оружием уже на ближайшей периферии, а то и в собственных цитаделях Запада. Это затяжное нестабильное равновесие не за наш счет даст России время, а при ловкой политике — и свободу рук для проведения подлинных реформ, гармонизирующих метаморфозу страны... На любые... столкновения западного легитимизма с бунтом нам следовало бы реагировать максимально деидеологизированно, вне любых общих принципов, но исходя только из собственной заинтересованности, а при отсутствии таковой — из обстоятельств дела, чаще всего подсказывающих нейтралитет, хотя и не всегда» (67, с.38).

Если что и может смутить сегодня наше изоляционистское смирение, так это неблагоприятный геополитический баланс на юго-восточных границах «острова». «На юге Сибири, а не на западе и даже не в Средней Азии, у «острова Россия» обозначается «геополитический Сиваш», где на наши пространства навигается соседняя этноцивилизационная платформа... В конце концов количественный перевес китайцев и их преобладание в хозяйстве края, вместе с притяжением его к Китаю как к товарной и технологической метрополии, *должны* дать качественный эффект смещения границ» (65, с.10). Что же противопоставляется этой, в общем вполне реальной опасности? «Приоритет внутренней геополитики», нацеленной на сдвиг к «своему востоку».

Если бы Россия занимала только свою европейскую территорию — по Урал включительно, многие современные вопросы отпали бы, путь интеграции с Европой был бы едва ли не единственным. Но Россия обременена Сибирью, которая и сообщает всей стране ее неповторимую геополитическую особенность. «Россия возникает в полноте необходимых и достаточных геополитических характеристик... в течение XVI в., и последней среди этих характеристик стал выход русских в земли Заволжья и Зауралья. Россия не присоединяла Сибири — она создалась Сибирью так же, как маргинализацией Восточной Европы в системе западного мира-экономики» (65, с.21). Худо ли, хорошо ли, но история выкроила таким образом кусок мирового пространства под названием «Россия», отделила его от других и заставила жить своей особой жизнью. Учитывая же фундаментальную роль Сибири, Россия может, не теряя своей геополитической идентичности, отступить на Восток, сместив туда и центр страны — в район Новосибирска, а

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

может быть, и восточнее (9, с.22). С таким развитием событий связывается возможность «новых отношений с Америками и той же старой Европой, и обретения себя... в мировом раскладе первой половины XXI в.» (9, с. 22).

Идеи «обретения себя» Россией и одновременно защиты от китайской опасности с помощью сдвига на восток имеют, возможно, тот же источник, что и изоляционистские замыслы. «Раздел России на европейско-урбанизированную и сибирско-православную — ...ось либеральной утопии «Вече»... Новая азиатская Россия должна была, по крайней мере, временно принести в жертву свою европейскую праматерь». «Предлагая план создания в Сибири «второй России», авторы «Вече»... надеялись превратить Сибирь в русскую крепость, способную «противопоставить китайскому «людскому морю», готовящемуся «густой волной покаяться по просторам Сибири», традиционную патриархальную стойкость русского солдата-мужика и его православный энтузиазм». «Только Сибирь могла бы спасти и свободу, и Отечество, и советскую амбицию» (66, с. 183, 184).*

Сибирь — могучий тыл, в который вся страна может отступить, чтобы перегруппировать силы и обновиться. Таков идеальный образ. А какова действительность? Мы уже видели, что России так никогда и не удалось по-настоящему заселить и освоить свою азиатскую часть. Слабость утончающегося к востоку меча русской колонизации явственно ощутилась уже в начале нашего столетия, когда об этом и писал В. Семенов-Тянь-Шанский. Она снова дала о себе знать во время Второй мировой войны, когда в самые тяжелые моменты немецкого наступления приходилось опасаться японского второго фронта и держать на Дальнем Востоке огромную армию. Если эта тема не привлекала большого внимания в послевоенные десятилетия, то лишь потому, что Сибирь и Дальний Восток были частью супердержавы, нападать на которую уж во всяком случае никто не стал бы.

Но за это время стратегическое положение Сибири и Дальнего Востока не улучшилось. Рост их населения замедлился, а сейчас оно и вовсе убывает. До недавнего времени слабая заселенность азиатской части России могла рассматриваться прежде всего как ее внутренняя проблема — с точки зрения неравномерности размещения производства, недоиспользования сибирских ресурсов и т.п. Распад СССР, а также политические, экономические и демографические изменения в южных и восточных сопредельных странах все более усиливают внешнеполитическое значение сибирского малолюдья. Демографический взрыв в Китае и в Южно-Центральной Азии за несколько десятилетий резко изменил и продолжает изменять соотношение демографических масс вдоль всей южной границы России, которая еще недавно была по преимуществу южной границей СССР (табл. 6).** Одновременно быстро растет и военно-экономический потенциал южных и восточных соседей России.

Особенно показательно положение в районах, примыкающих к российско-

* «Вече» и «Вольное слово» цитируется по книге А.Янова «Русская идея и 2000-й год» (66, с. 183,184).

** Демографический взрыв на южных границах СССР, как и во всем развивающемся мире, вызван объективными историческими причинами, избежать его было нельзя. Но можно было смягчить, ослабить его мерами своевременной и разумной демографической политики, чего добивались западные страны. Официальный же СССР, повсюду искавший конфронтации с Западом, резко противился этому, бездумно действуя против своих собственных долговременных интересов. В частности, жесткая «антимальтузианская» позиция СССР, по-видимому, повлияла на демографическую политику Китая, где в свое время отказались от курса на планирование семьи и вернулись к нему значительно позднее. В 1950 г. в Китае было 555 млн. чел., в 1994 — 1,2 млрд.

Таблица 6
Население России и ее южных и восточных соседей, 1950-2050 гг.

Страны или группы стран	1950	1990	(млн. чел.)	
			2000 (прогноз)	2050 (прогноз)
Бывший СССР	180,3	288,6	[293,3]	[291,4]
Россия	101,2	147,9	146,2	114,3
Китай	554,8	1155,3	1276,3	1516,7
Япония	83,6	123,8	126,4	109,5
Центральная Азия*	17,5	50,4	57,4	94,8
Южно-Центральная Азия**	82,9	246,3	315,4	683,8

* Казахстан и бывшие советские республики Средней Азии.

** Центральная Азия. Иран, Афганистан и Пакистан.

Источник: UN World Population Prospects: the 1996 Revision, Annex I. Demographic indicators. UN; NY., 1996. Table 4.

китайской границе на Дальнем Востоке. Здесь, к югу от Амура, находятся три провинции северо-восточного Китая (Манчжурия) с населением около 100 млн. чел. (68) (в 1907 г. было около 17 млн. (69, с.89)). Плотность населения здесь почти в сто раз выше, чем на российском Дальнем Востоке, и почти в 35 раз выше, чем, в среднем, в трех расположенных вдоль границы федеративных землях — Амурской области, Хабаровском и Приморском краях (3,7 чел. на 1 кв. км).

Конечно, отношения с сопредельными странами определяются не одними демографическими факторами и даже не ими в первую очередь. Но и недооценивать их значение, видимо, не следует. Существование проблемы Сибири не секрет для мира и даже некоторый источник беспокойства для него. «Сибирь станет крупной ставкой в игре XXI века... Если Сибирь будет потеряна Россией, она не останется долго без хозяина. Ее богатства, как и ее стратегическое положение делают ее объектом вождения для тюрко-монгольского мира, граничащего с ней на юго-запада, для Китая на юге. наконец, для Японии, которая смотрит на нее с востока... От того, кто будет владеть Сибирью, зависит будущее мира и прежде всего будущее граничащей с нею Европы» (70, с. 143,145). Размышления на тему Сибири появляются и у российских авторов, у них начинает звучать то же беспокойство: «растущий дефицит населения, особенно к востоку от Урала... ухудшает шансы России не только освоить, но и сохранить за собой этот богатейший регион»(71, с.22). Это же беспокойство слышится и у В. Цымбурского и отражается в его проекте «сжатия» российского пространства. «Видя у России европейскую, евразийскую, «римскую» и подобные континентальные миссии, мы кончим тем, что потеряем Сибирь, а с ней потеряем и Россию» (65, с. 11), утверждает он и потому декларирует отказ от всех старых мессианских претензий и нечто вроде изоляционистского ухода России в сибирский скит, на свой «остров», «восточный крен с опорой на Сибирь».

Речь идет о сосредоточении «основной геополитической энергии страны на плавном повышении хозяйственного и демографического удельного веса Сибири», о «смещении центра страны, завершающем ее метаморфозу» (65, с.11), что само по себе достаточно утопично. Но надо ли говорить, что даже если вся Россия переселится за Урал, это не слишком сильно изменит соотношение «антропомасс» или экономических потенциалов Сибири и Китая? Поэтому, коль

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

скоро сдвиг на восток декларирован, естественным образом начинает слабеть изоляционистский заряд, и сами собой возникают «новые синтезы и старые искушения», не так уж далеко отстоящие от привычных синтезов и искушений «нашего великоимперского, западнцентристского 300-летия» (65, с.3).

Если что и меняется немного, так это география предпочтений. С одной стороны, требуется «признать наш уход из Европы как решение, вычлняющее Россию с ее прагматикой из пространства континента» (72, с.254). С другой же стороны, «исключительно многое могло бы зависеть от достижения взаимодействия с Японией как со страной «центра» [в смысле «западоцентризма», т.е. как с «западной» страной — А.В.]... Составляя на первых порах противовес неотменимому континенталистскому присутствию Китая, японское участие [в российской экономике] могло бы дать толчок к активизации американских и западноевропейских конкурентов Японии. Усилия России надо направить на то, чтобы подключить «мировое цивилизованное» к развитию нашего востока не как штаб «нового порядка», а как сообщество конкурирующих сил, где каждая в конечном счете пытается действовать в своих непосредственно обозреваемых интересах» (72, с.254).

Сама по себе идея создать в Сибири условия для международного сотрудничества, а значит и соперничества, не лишена смысла. Но почему надо увязывать эту задачу с нереалистической перспективой «сдвига на восток»? И каким образом этот сдвиг сам по себе освободит Россию от ставшего привычным «подсоединения» к экономике Запада в маргинальной роли одного из поставщиков энергоносителей и импортера высокотехнологичной продукции»(65, с.3)? Ведь само взаимодействие с Западом не отвергается. Чем предлагаемое движение на «Запад» через Сибирь и Японию лучше, чем вековое — через Европу? В. Цымбурский хочет оборвать дурную бесконечность российских «циклов похищения Европы», а попросту говоря, участия России в европейских военных конфликтах. Доброе намерение. Однако пока никто и не приглашает ее к такому участию — разве что наши собственные доморощенные «геополитики». Правда, экстраполяционная логика Цымбурского все равно заставляет его опасаться нового «цикла»: три уже было, стало быть, возможен и четвертый, которого и надо страшиться как «плевка против конъюнктурного ветра мировой и русской истории» (72, с.253). Что ж, гарантий против такого «плевка» никто, конечно, дать не может. А разве есть гарантии, что Дальний Восток, Тихоокеанский регион будут в XXI веке самым спокойным местом в мире и что, сдвинувшись на «свой восток», Россия окажется вне мировых циклов и вне любых военных конфликтов?

Той Европы, какая существовала даже в начале нашего столетия, больше нет, ее место в мире занял «Запад», или «Север». Мировые ставки укрупнились, а роль отдельных государств, даже крупных, стала намного меньшей. Всем приходится искать себе союзников, Россия не исключение. Поэтому предлагаемое «островитянство», если бы оно было осуществимо, могло бы обозначать лишь еще одну попытку России использовать огромность своих территорий как стратегический ресурс и, осуществив «сибирский гамбит», найти себе новых геополитических союзников на востоке, например, в лице той же Японии. Но надо ли, вслед за Данилевским, наивно думать, что только мы можем быть хитрыми и коварными? Что Россию только и ждут на Дальнем Востоке? Сдвинуться на восток и обнажить запад? Такие подвиги могли бы повлиять на расклад сил внутри «Севера», но вовсе не обязательно в пользу России. Всегда найдутся претенденты на воплощение в жизнь все того же «великого проекта Хаусхофера» —

и не обязательно в редакции журнала «Элементы», которая, кажется, считает себя уполномоченным представителем российского хартленда. Хартленд — вещь мифологическая, а Сибирь — вполне реальная и очень заманчивая «ставка в игре XXI века». Попытка создания континентальной «оси» Германия-Россия-Япония в XXI веке привела бы к полному нарушению сложившегося глобального геополитического баланса, а в конечном счете, возможно, и к финальной мировой катастрофе. Но если бы она удалась, она не оставила бы места независимости многих государств, нанизанных на «ось» силою географических обстоятельств, — и как бы островной России, исповедующей идею нестабильного равновесия за чужой счет, самой не оказаться на этом шампуре.

Евразийский союз?

И империалистские, и, как ни странно, изоляционистские проекты несут в себе опасность крупномасштабных сдвигов в соотношении мировых сил, нарушения и без того хрупкого глобального равновесия. Осознание такой опасности подталкивает к своеобразному геополитическому консерватизму, к поискам путей реабилитации, восстановления целостности и самостоятельности постимперского, постсоветского, «евразийского» геополитического пространства — но таких путей, какие не вели бы к резкому нарушению глобального status quo, а напротив, способствовали его сохранению либо постепенной мирной эволюции.

Если исходить из общего движения мира к многополярности и в то же время не идеализировать без меры международные отношения будущего столетия, то наиболее естественным представляется сохранение за всем постсоветским пространством — а не только за Россией — роли одного из нескольких крупных региональных полюсов, конструктивно участвующих в поддержании мирового геополитического равновесия и в то же время не забывающих о своих собственных интересах. Речь идет о системе коллективной безопасности постсоветского пространства, черпающего силу внутри самого себя, а не в дестабилизирующих союзах с другими геополитическими структурами. При определенных условиях подобное решение может быть выгодно не только наследникам бывшего СССР, но и его главным стратегическим противникам, отнюдь не заинтересованным в превращении одной шестой части земной суши в геополитическую воронку, способную в XXI веке поставить на грань исчезновения человеческую цивилизацию. В этом таятся глубинные основания их отношения к России. Слабая Россия, не способная нести свою долю ответственности за поддержания мирового баланса сил, не нужна никому. Но и сильная Россия нужна миру не всякая. Сильная, но агрессивная, авторитарная Россия, продолжающая настаивать на своих великодержавных амбициях, пытающаяся диктовать свою волю на просторах бывшего СССР, опасна для всех — и ближних, и дальних, она способна только распугать своих вчерашних друзей и союзников. Демократическая и либеральная Россия, отказавшаяся от былых имперских притязаний, но добившаяся внутренних успехов, обладающая сильной экономикой и развитыми демократическими институтами, напротив, способна стать естественным центром притяжения для всего региона, главным поборником переустройства всей системы отношений на посттоталитарных просторах бывшего СССР.

Снова «центр»? Нет ли в самом этом слове намек на нашаривание нового

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

образа того, что уже существовало, на хотя бы частичное воссоздание прошлого, пусть и с приставкой «нео»: российского неокOLONиализма, неоимпериализма и т.д.? Трудный вопрос. Стоит ли делать вид, что огромное неравенство между Россией и другими бывшими республиками СССР в территории, населении, экономическом или военном потенциалах и т.д. — несущественно и никогда не будет играть роли? Да и психологическая инерция «первой среди равных» долго будет еще давать себя знать. Так что какие-то «нео»-посягательства, скорее всего, неизбежны, и, при желании, их всегда можно будет оправдать именно объективной «центральностью» России. А если кто-нибудь об этом забудет, то ему всегда напомнят что нужно российские имперские «геополитики».

Идея создания на месте СССР Евразийского союза звучала еще у Горбачева и у Сахарова (хотя понимали его они, скорее всего, по-разному). Провозглашенный, но малоэффективный пока СНГ можно было бы рассматривать как зародыш такого союза, связывать с ним поиски нового, неимперского компромисса между геополитическими соседями в постсоветском пространстве. Но коль скоро сам такой компромисс есть часть общего реформаторского, либерального проекта, связанных с ним поисков «открытого общества», неимперских и неконфронтационных стратегий во внешней политике, в том числе и в отношении с «ближним зарубежьем», он не воспринимается антиреформаторскими силами, оказавшимися в оппозиции внутри страны и ищущими централистского, имперского реванша. Идеологизированные «геополитики» намеренно демонстрируют великодержавное высокомерие и крайнюю агрессивность по отношению к «ближнему зарубежью», старательно разрушают идею неимперского союза.

«Нечто под названием СНГ на протяжении непродолжительной истории своего существования последовательно доказывает свою бесполезность, недееспособность и, во многих отношениях, вредность для нашей страны... Единственно разумным стало бы решение о неучастии России в СНГ и переходе на построение системы двухсторонних связей нашей страны со всеми бывшими союзными республиками... Сейчас интересам России отвечало бы максимальное дистанцирование от этих «друзей»... Объявление некоторого района мира сферой интересов России должно повлечь за собой поддержание порядка на ней собственными внутренними ресурсами и силами. Особенно, если речь идет о жизненных интересах России в отношении территории стран СНГ. Если нет возможности здесь столкнуть между собой конкурирующие национальные элиты, то следует без промедления нанести превентивный ядерный удар по силам и базам конкретной антирусской группировки, либо их зарубежных подстрекателей... К примеру, возможен вариант точечного уничтожения литовского парламента во время его заседания нейтронным зарядом» (73, с.161-164). Со сладострастным смакованием перечисляются разные варианты мести республикам-отступникам. Предлагается, например, ликвидировать Казахстан, разделив его территорию с Китаем, «отдавая должное геополитическим интересам последнего в его продвижении на Запад»; «великодушно вернуть» Азербайджан Ирану, поскольку до 1825 г. * он принадлежал Персидской империи; способствовать отчленению от Грузии Абхазии и Южной Осетии (73, с.165-168) и т. д. — подобными текстами исписываются десятки страниц.

Следствием столь жесткой имперской позиции русских «патриотов» и в

* Территория Азербайджана отошла к России по Гюлистанскому договору 1813 г.

самой России (в какой-то, пусть пока и ограниченной мере, она влияет и на официальную политику Москвы), а тем более за ее пределами может быть только ослабление сторонников либеральной постсоветской интеграции по европейскому образцу при одновременном сближении и укреплении всех сил, противостоящих такой интеграции. В самом деле, зачем соседям России снова рисковать своей независимостью, вступая в новый союз с открытым претендентом на региональное господство, создавая вместе с ним систему коллективной безопасности и т.д.?

И все же разрушительную силу, пусть и немалую, риторики сторонников имперского реванша и даже их некоторых действий не следует переоценивать. Стремление держаться подальше от России — не единственный рефлекс, который вызвало в бывших республиках СССР их внезапное превращение в независимые государства. На то есть свои и геополитические, и внутривосточные резоны.

От того, что СССР прекратил свое существование, проблемы взаимодействия его бывших частей с сопредельными геополитическими метаструктурами не исчезли, а такое взаимодействие не всегда бывает мирным. Именно на границах Больших пространств нередко возникают зоны особенно сильных военно-политических напряжений. Странно было бы думать, что государства, образовавшиеся после распада СССР, окажутся в мире, лишенном противостояния и вражды, и не столкнутся с попытками экономической, политической и даже военной экспансии со стороны более сильных соседей. На первый взгляд, кажется, что это — уже не проблема целостного «Евразийского пространства», нередко прямо отождествляемого с распавшейся империей, — большинство новых государств только и думают о том, как бы скорее его покинуть. Но так ли это? Геополитические пространства — историческая и географическая данность, покинуть свое пространство не так просто.

Выйдя из состава СССР, его бывшие республики не сменили своего географического места на планете и не лишились оснований искать наилучших условий существования в той геополитической среде, которая их окружает. Сейчас чувство региональной общности экономических, культурных или военно-политических интересов ослаблено. По понятным причинам, распад СССР сопровождается усилением бескомпромиссных центробежных тенденций, на первый план выходит то, что разделяет отдельные части бывшего Союза, а не то, что их объединяет. Но это вовсе не значит, что напрочь исчезли объективные интересы, подталкивающие ко взаимодействию и компромиссу, — они лишь ищут новой формы воплощения.

Вернемся еще раз ко взаимоотношениям России с теперь уже независимыми государствами Центральной Азии (Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, Таджикистаном и Туркменией). Их обособление во многом было обусловлено политической конъюнктурой, сложившейся в СССР к началу 90-х годов: ослаблением центральной власти, демонстрационным эффектом успехов прибалтийского сепаратизма, выходом на свободу в самой Центральной Азии националистических и религиозных настроений, может быть и не очень массовых, но, в силу длительного бескомпромиссного давления властей, приобретших энергию туго сжатой пружины. Действовали, однако, и другие факторы, не столь конъюнктурные. Важнейшим среди них была, пожалуй, меняющаяся позиция самой России, ослабление ее заинтересованности в сохранении государственного единства с Центральной Азией.

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

Положение России в ее роли имперской метрополии по отношению к республикам Центральной Азии к этому времени стало достаточно сложным. С одной стороны, их отпадение от СССР грозило России серьезными экономическими, внутривосточными, геополитическими и прочими осложнениями, которые — поскольку этот вариант осуществился — не замедлили дать о себе знать. Здесь и разрыв хозяйственных связей, и потеря важных источников сырья, немалой части промышленного потенциала, десятилетиями создававшегося за счет «централизованных капиталовложений», и судьба миллионов «русскоязычных», живущих в этих республиках, да и местной пророссийски ориентированной элиты, и резкое сокращение демографического потенциала, и неизбежное усиление позиций мусульманских стран на южной границе России при вероятном обострении отношений с ними.

Но если бы республики Центральной Азии остались в составе империи и СССР сохранился бы в той или иной форме, перспективы России были бы еще более тревожными. Опираясь на свой растущий демографический потенциал, постепенно модернизируясь, эти республики изнутри добивались бы все нового и нового перераспределения влияния и ресурсов в свою пользу. Не случайно, например, в последние годы существования СССР не раз высказывалась возникшая намного раньше идея переноса столицы Союза из Москвы на Волгу. Возрождались и другие идеи евразийцев, призывавших Россию к переориентации на Восток. В конце XX века все это означало бы для России не только сохранение огромного экономического бремени, но и нарастание политического и социокультурного давления на нее. Она продвинулась намного дальше Центральной Азии по пути «инструментальной» модернизации и подошла к осознанию новых для себя задач социальной модернизации: перехода к рыночной экономике, правовому государству, гражданскому обществу. В Центральной Азии настоятельность этих задач ощущалась гораздо слабее. Если бы Россия и Центральная Азия оставались в составе одного государства, Россия из последних сил тянула бы Центральную Азию вперед, а та, может быть с не меньшей энергией, тянула бы Россию назад, что долго бы еще тормозило общее движение. Так что в Беловежских соглашениях, при всей их небесспорности и внешней легковесности, несомненно нашел отражение и инстинкт самосохранения России, отпечатались ее глубинные современные интересы. По-видимому, установление новой дистанции между Россией и Центральной Азией или Закавказьем исторически назрело.

Но стал ли 1991 год концом их совместной истории? Сколь бы противоречивыми ни были цивилизаторская миссия империи и ее результаты в Центральной Азии, отделившись от России, центральноазиатские страны лишились мощного локомотива развития. Что ждет их теперь? Как сложится судьба модернизации — главной оси, вокруг которой в любом случае будет вращаться вся проблематика развития региона в ближайшие десятилетия? Торможение модернизации, а в худшем случае, ее приостановка, сопровождающаяся жесткой антимодернистской реакцией, вполне возможны. Нельзя исключить даже крайнего варианта развития событий: прихода к власти традиционалистских элит и полной смены стратегии: стопроцентной «деколонизации» ценой отказа от модернизации и вообще всех «западных» ценностей, возврата в прошлое, закрытости общества и пр. Но этот вариант маловероятен, а как долговременный — и вовсе невероятен. На деле, скорее всего, появятся (похоже, уже появляются) новые разновидности

все той же консервативной модернизации, различные смешанные варианты, комбинации разной степени прагматического инструментального модернизма с коммунистическим, религиозным, этническим или каким-либо иным фундаментализмом и опирающимся на него политическим авторитаризмом.

Опыт СССР показал, насколько труден этот путь, не будет он простым и в постсоветской Центральной Азии. Она все еще бедна, а средние слои слишком слабы, чтобы служить надежной опорой для модернизированной политической элиты, способной уверенно вести свои государства по пути экономических и политических реформ. Не имея достаточной социальной базы внутри своих стран, испытывая постоянный дефицит материальных и интеллектуальных ресурсов, она может оставаться у власти только при наличии внешней поддержки и почти естественным образом будет вынуждена искать ее прежде всего в бывшей метрополии. Разумеется, можно попытаться найти другую метрополию, например, переориентироваться на Турцию или Иран, но характер отношений с ними не будет иным, а модернизаторский потенциал Турции или Ирана несравним с российским. Немало стоят и общая история последнего столетия, довольно широкое распространение русского языка и русской культуры, даже остатки советского менталитета — совместного с Россией наследия недавнего прошлого.

Таким образом, объективные интересы модернизации подталкивают и будут подталкивать страны Центральной Азии к восстановлению — в той или иной мере, конечно, — прежних отношений с Россией, несмотря на их противоречивость, на свойственный им налет колониализма. Свой долговременный интерес есть здесь и у России: одно дело иметь на своих южных границах современные цивилизованные государства, другое — непредсказуемые средневековые автократии.

Центральная Азия — это пять из 15 бывших республик СССР. Но объективная заинтересованность в более тесном взаимодействии с Россией и между собой есть не только у них. Уже отмечалось, что, входя в состав СССР и все больше испытывая гнетущее влияние его устаревшей экономической и политической системы, тяготясь давлением безграничного московского централизма, бывшие республики тем не менее были сособственниками беспредельных просторов и огромных ресурсов Союза. Общим достоянием была и его военная мощь — отдельные части ее и думать забыли о безопасности своих внешних границ. Совершенно естественно, что все бывшие республики (включая и Россию), стремясь избавиться от нежелательных сторон их прежних взаимоотношений, были бы не прочь хотя бы частично сохранить положительные стороны былого «братства». Теперь Украина, Узбекистан или Грузия не могут смотреть на Сибирь как на свою собственность, но все же полная переориентация Сибири, скажем, на Японию или Китай больно задела бы их интересы. То же можно сказать, к примеру, и об интересах России в Средней Азии или на Украине. Есть очень много экономических, социокультурных, военно-политических и прочих оснований для того, чтобы принадлежность к геополитическому субрегиону и особые права внутри него воспринимались всеми его частями как серьезные ценности. А это естественным образом означает заинтересованность в сохранении целостности геополитического пространства и его относительной отделенности от других таких же пространств — разумеется, без той жесткой закрытости, которую создавал «железный занавес».

Все это говорится не для того, чтобы подвести читателя к выводу о необ-

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

ходимости восстановления прежнего СССР. Но важно осознать, что сейчас, как и прежде, на просторах бывшей империи действуют не только центробежные, но и центростремительные силы. Пренебрегать не следует ни теми, ни другими, их равновесие устанавливается в ходе самоорганизации всей геополитической системы и не так уж сильно зависит от мнений и поступков отдельных актеров, выступающих на политической сцене. К концу XX века многие правила мировой игры изменились, она приобрела иной масштаб, и все европейские государства почувствовали себя слишком маленькими, чтобы действовать на мировой арене в одиночку. Европейский Союз — региональный ответ на эту новую ситуацию. Постсоветские страны стоят перед тем же вызовом. Некоторые из них уже заняли очередь в Европейский Союз — вместе с большинством стран Восточной Европы. Покинув один лагерь, в который они были загнаны насильно, они торопятся войти в другой — на этот раз добровольно.

Такова логика истории, но ведь она не упраздняет логику географии. Все постсоветские страны никогда не смогут войти в Европейский Союз, им поневоле придется подумать о создании чего-то подобного на своем собственном географическом пространстве. Новизна обстановки не в том, что отпала необходимость в организации Евразийского пространства и защите его интересов как целого, а в том, что решение этих задач должно опираться на иные, чем прежде, основания. Империя была исторически необходимым компромиссом интересов центра и окраин. Теперь нужен новый компромисс, исключающий сами понятия центра и периферии. Эпоха монополярной геополитической ответственности Петербурга или Москвы, эпоха отождествления российских и евразийских интересов закончилась. Другие евразийские государства также не могут быть безразличны к будущему геополитического пространства, в которое их вписала историческая судьба, и способны разделить с Россией ответственность за это будущее. Это и значит, что пришло время коллективной евразийской безопасности, сам ее субъект должен стать коллективным. Предстоит непростой и небыстрый путь к созданию системы такой безопасности, которая должна сохранить преемственность по отношению к одним чертам геополитической стратегии имперских времен и одновременно резко отмежеваться от других ее черт, обесмысленных самим временем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Grousset R. Bilan de l'histoire. P., 1946.
2. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Справочник. Выпуск I. Книга 1. Войны и мирные договоры. М., 1995.
3. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915.
4. Довнар-Запольский М.В. Белорусское прошлое. Исследования и статьи. Т. 1. Киев, 1909.
5. Van Gennep A. Les elements extérieurs de la nationalité // Traité comparatif des nationalités. Т. 1. P., 1922.
6. Шмеман А. Исторический путь Православия. М., 1993.
7. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937 (Вильнюс, 1991).
8. Kennedy P. The rise and the fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. L., 1988.
9. Цымбурский В. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5.

10. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
11. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю. 1666-1783. М.;Л., 1941. Американское издание (Mahan A. The influence of sea power upon history. 1666-1783) появилось в 1890 г., первое русское издание — в 1895 г.
12. Хаунер М. What is Asia to us. Russia's Asian Hearthland yesterday and today. L.; N.Y., 1992.
13. Мэкиндер Н. Democratic ideals and reality. N.Y., 1942.
14. Достоевский Ф.М. Геок-Теле. Что такое Азия для нас? (Дневник писателя, 1881). Полн. собр. соч. Т. 27. 1984.
15. Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871.
16. Мэкиндер Н. The geographical pivot of history // Мэкиндер Н. The scope and methods of geography and The geographical pivot of history. L., 1951.
17. Семенов-Тянь-Шанский В. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. Пг., 1915.
18. Куропаткин А.Н. Россия для русских. Задачи русской армии. 1.3. СПб., 1910.
19. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.
20. Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 года. СПб., 1908.
21. Достоевский Ф.М. Мы в Европе лишь стрючкие. Дневник писателя (1877). Полн. собр. соч. Т.25. М., 1983.
22. Шевяков А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социологические исследования. 1991. № 12.
23. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960.
24. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.
25. Снесарев А.Е. Авганистан. М., 1921.
26. Niekisch E. «Hitler — une fatalite allemande» et autrcsecrits nationaux-bolcheviks. Puiseaux, 1991.
27. БСЭ, 2-е издание. Т. 7. 1951.
28. БСЭ, 2-е издание. Т. 36. 1955.
29. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Т.1. М., 1995.
30. Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992.
31. Haushofer K. De la geopolitique. P., 1986.
32. Aron R. Paix et guerre entre les nations. P., 1984.
33. Bonnet G. Fin d'une Europe. De Munich a la guerre. Geneve, 1948.
34. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935-июнь 1941). М., 1946.
35. См. Rossi A. Deux ans d'alliance germano-sovietique. P., 1949.
36. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.
37. Яковлев Н. Последние дни мира. Август 1939 г. // Против фальсификации истории Второй мировой войны. М., 1964.
38. Некрич А. 1941, 22 июня. М, 1995.
39. Полян П. Жертвы двух диктатур. М., 1996.
40. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.
41. Harrison M. Accounting for war: Soviet production, employment and the defence burden, 1940-1945. Cambridge, 1996.
42. Sapir J. Les fluctuations economiques en URSS, 1941-1985. P., 1989.
43. Sapir J., Badower A., Crespeau M. L'experience sovietique et sa remise en cause. P., 1994.
44. The economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945 / Ed. by Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. Cambridge, 1994.
45. Успенский Г. Власть земли. Собр. соч. в 9 томах. Т. 5. М., 1956.
46. Сталин И. Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля. Большевик, 1946.
47. Roof M. The Russian population enigma reconsidered // Population Studies. 1960. Vol. XIV, 1.

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
Россия во всемирном контексте

48. Хрущев Н. С. Письмо премьер-министру Швеции Т. Эрландеру // Международная жизнь. 1961. №12.
49. Timasheff N.S. The postwar population of the Soviet Union // The American Journal of Sociology. 1948. V. 54, 2.
50. Кабузан Н. Русские в мире. Спб., 1996.
51. Гриф секретности снят. М., 1993.
52. Максудов С. Потери населения СССР в годы Второй мировой войны // Население и общество. 1995. №5.
53. Piesowicz K. Wielkie ruchy migracyjne w latach 1945-1950 // Studia demograficzne. 1988. Nr 4/94.
54. Kulisher E. Europe on the Move. NY., 1948.
55. Трубецкой Н.С. Русская проблема // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
56. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.
57. Le Monde, 29 Janvier 1994.
58. Жириновский В.В. Последний бросок на юг. М., 1993.
59. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.
60. Митрофанов А. В. АнтиНАТО. Новая идея российской геополитики. Тактика и стратегия на современном этапе. М., 1997.
61. Тезисы Жана Тириара // Элементы. 1993. №1.
62. Дугин А. Консервативная революция. М., 1994.
63. Геополитические проблемы ближнего зарубежья // Элементы. 1993. №3.
64. Россия и пространство // Элементы. Геополитические тетради. 1993. №4.
65. Цымбурский В. Метаморфоза России: новые синтезы и старые искушения // Вестник Московского университета. Социально-политические исследования. 1994. Сер. 12. №3.
66. Янов А. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988.
67. Цымбурский В. Метаморфоза России... // Социально-политические исследования. 1994. №4.
68. China's 4th national population census data sheet. Beijing, 1990.
69. Cagnat R., Jan M. Le milieu des empires. Entre URSS, Chine et Islam, le destin de l'Asie centrale. P., 1990.
70. Behar P. Une geopolitique pour l'Europe. Vers une nouvelle Eurasie? P, 1992.
71. Сорокин К. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
72. Цымбурский В. Циклы похищения Европы. Большое примечание к «Острову Россия» // Иное. Т. 2. Россия как субъект. М., 1995.
73. Митрофанов А.В. Шаги новой геополитики. М., 1997.